

В. А. СОЛОНАРЬ

ОЧИЩЕНИЕ НАЦИИ

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ
В РУМЫНИИ В ПЕРИОД
ДИКТАТУРЫ ИОНА АНТОНЕСКУ

(1940–1944)

Владимир Солонарь

**Очищение нации. Насильственные
перемещения населения
и этнические чистки в
Румынии в период диктатуры
Иона Антонеску (1940–1944)**

«Нестор-История»

2020

УДК 93/94
ББК 63.3(0)62

Солонарь В. А.

Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944) / В. А. Солонарь — «Нестор-История», 2020

ISBN 978-5-4469-1675-7

Книга посвящена политике, нацеленной на превращение Румынии в этнически однородную нацию, которую в 1940–1944 гг. проводило прогитлеровское правительство диктатора Иона Антонеску. На основе опубликованных и архивных материалов анализируются идеология радикального национализма, которую исповедовало это правительство и которая полагала достижение этнической «чистоты» нации высшей государственной мудростью, методы продвижения к этой цели, среди которых были обмен населением с соседними странами, депортации и истребление целых групп населения, а также реакция румынского общества на эту политику. Показывается, по каким причинам румынская политика стала более умеренной в течение 1942 г. и почему лишь небольшая часть из первоначально задуманного была осуществлена на практике. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-4469-1675-7

© Солонарь В. А., 2020
© Нестор-История, 2020

Содержание

Предисловие	6
Примечание к русскому изданию	13
Благодарности	14
Замечание об источниках	15
Список сокращений	16
Введение	19
Часть I	21
Глава 1	21
1.1. Великое объединение	21
1.2. Национальный идеал в 1920-х – начале 1930-х годов. Развитие и национализм	24
1.3. Радикализация румынских правых в 1930-х годах: программа этнократического государства	32
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Солонарь

Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944)

Перевод осуществлен при финансовой поддержке кафедры истории Университета Центральной Флориды

© В. А. Солонарь, 2020

© А. Тулбуре, перевод, 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Предисловие

Предметом данной книги является политика этнических чисток, проводившаяся румынским правительством с июля 1940 по август 1944 г., в тот период, когда страна была союзницей нацистской Германии. Применяемая в данном контексте синтагма «этническая чистка», вошедшая в обиход после распада Югославии и последовавшей за этим кровавой гражданской войны, может показаться анахронизмом. Тем не менее использование этого термина по отношению к румынской политике начала 1940-х гг. оправдано по той простой причине, что румынские власти регулярно употребляли его применительно к политике в отношении этнических меньшинств страны (в данном случае термины «национальные меньшинства» и «этнические меньшинства» используются как синонимы). Власти применяли термины «*purificarea etnică*» или «*epurarea etnică*» – «этническое очищение» или «этническая чистка», что можно перевести на русский как «этническое очищение» или «этническая чистка».

Недавно было выдвинуто предположение, что термин «этническая чистка» может означать не только насильственное выдворение с какой-либо территории лиц другой этнической принадлежности, но также политику добровольной или принудительной культурной и языковой ассимиляции, поскольку такая политика может привести к созданию гомогенной с этнической и культурной точки зрения нации¹. Если даже это развернутое определение применимо в другом контексте, оно может ввести в заблуждение в случае, описываемом в книге. Румыны никогда не использовали это словосочетание в таком «мягком» смысле, термин «этническая чистка» всегда означал для них физическое выдворение из страны лиц другой этнической принадлежности. Более того, такая политика выглядела оправданной в глазах ее сторонников именно потому, что они воспринимали проводившуюся в межвоенный период политику культурной ассимиляции как неудачную. Таким образом, между терминами «очищение» и «ассимиляция» проводилась четкая грань, они даже считались противоположными.

Румынские лидеры считали, что этническую чистку можно было провести или путем обмена населением с соседними государствами – «внешними родинами» соответствующих меньшинств, – или же путем «одностороннего перемещения» в намеченном государством направлении этнических меньшинств, у которых «не было своей родины», как то евреев и ромов². Насилие было составной частью данного процесса в обоих случаях, но степень его применения была различной: в первом случае меньше, во втором намного больше. Как мы увидим в дальнейшем, в случае евреев из восточных провинций насильственным депортациям предшествовали и сопутствовали массовые экзекуции.

Некоторые события и лица, рассматриваемые в данной книге, многие годы и даже десятилетия были предметом академических исследований. Историография румынского Холокоста, в частности, включает немало основанных на широкой источниковой базе детальных трудов, написанных в основном румынскими экспатриантами, проживающими сейчас на Западе или

¹ См.: Michael Mann, *The Dark Side of Democracy Explaining Ethnic Cleansing* (New York: Cambridge University Press, 2005). Литература по проблеме этнических чисток в современном мире весьма обширна, и подвергнуть ее здесь детальному анализу не представляется возможным. Из недавно изданных трудов по этой теме, помимо важного вклада М. Манна, следует назвать и другие работы: Norman M. Naimark, *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe* (Cambridge MA: Harvard University Press, 2001); Benjamin Lieberman, *Terrible Fate: Ethnic Cleansing in the Making of Modern Europe* (Chicago: Ivan R. Dee, 2006); Mark Levene, *Genocide in the Age of the Nation State: In 2 vols, vol. I: The Meaning of Genocide, vol. II The Rise of the West and the Coming of Genocide* (New York: I.B. Tauris, 2005); Manus I. Midlarsky, *The Killing Trap: Genocide in the Twentieth Century* (New York: Cambridge University Press, 2005).

² Понятие «внешняя родина» заимствовано у Роджерса Брубейкера (Rogers Brubaker): *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* (New York: Cambridge University Press, 1996), ch. 4: „Nationalizing States in the Old «New Europe» and the New”, p. 79–103.

в Израиле³. Эти труды следуют по большей части интерпретации, предложенной Мататиасом Карпом в опубликованном им в 1946 г. сборнике документов⁴. М. Карп был секретарем Вильгельма Фильдермана, который долгое время возглавлял Федерацию союзов еврейских общин (ФСЕО), упраздненную чрезвычайным указом в декабре 1941 г. Как до, так и после роспуска ФАСЕ доктор В. Фильдерман отстаивал интересы своих соплеменников, направляя властям искусно отредактированные информационные меморандумы и мобилизуя против антисемитской политики правительства силы политической оппозиции и румынских интеллектуалов. М. Карп отобрал для публикации важнейшие материалы из архива Фильдермана, снабдив их своими содержательными очерками, которые и заложили основы наиболее влиятельной – и верной в своих основных аспектах – историографической школы румынского Холокоста.

В 1950-1960-х гг. румынские историки хранили почти полное молчание по истории Холокоста, поскольку коммунистический режим практически запретил всякие дискуссии и исследования по данному предмету. Исторические исследования в данной области, вновь появившиеся в Румынии в 1970-х гг., ставили целью отрицание или преуменьшение роли румынского правительства в трагедии еврейской общины страны: вину за это перекладывали главным образом (или исключительно) на нацистов. Румынский коммунизм, вступивший тем временем в свою националистическую фазу, желал приукрасить межвоенную историю Румынии⁵. Даже после падения коммунизма положение некоторое время оставалось неудовлетворительным, поскольку националистический дискурс, отрицавший или минимизировавший румынскую ответственность за судьбу евреев страны, доминировал в публичном пространстве⁶. С недавних пор ситуация стала меняться, во многом благодаря давлению Запада. Поворотным событием в данной ситуации стало создание по инициативе президента Иона Илиеску в октябре 2003 г. Международной комиссии по исследованию Холокоста в Румынии под руководством лауреата Нобелевской премии Эли Визеля (Elie Wiesel). Комиссия, составленная из специалистов из Румынии, Европы, Америки и Израиля, представила свой итоговый доклад в 2005 г., и с тех пор стало невозможным категорическое отрицание Холокоста румынских евреев, по крайней мере в уважаемых академических кругах⁷. Вместе с тем, проблемы истории румынской антисемитской политики в современной Румынии продолжают занимать прежде всего румынских историков еврейского происхождения, многие из которых маргинализируются академическим сообществом страны. Большинство румынских историков предпочитает вообще держаться подальше от этого вопроса, сосредоточиваясь на тех аспектах истории страны, в которых румыны выступают в качестве жертв коммунизма, а не соучастников в преступлениях нацистов.

Возможно, вследствие этой ситуации многие работы некоторых специалистов, исследующих Холокост в Румынии, кажутся вторичными тем, кто отрицает или минимизирует эту проблему. Как отметила Ирина Ливезяну в критическом очерке о состоянии историографии румынского Холокоста, серьезные исследователи подчас слишком много сил тратят на то,

³ Важнейшие из недавно изданных работ: Radu Ioanid, *The Holocaust in Romania: The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940-1944* (Chicago: Ivan R. Dee, 2000); Jean Ancel, *Transnistria, 1941-1942: The Romanian Mass Murder Campaign*, Goldstein-Goren Diaspora Research Center, vol. 1, transl. Rachel Garfinkel, Karen Gold (Tel Aviv: Tel Aviv University, 2003) (2-й и 3-й тома содержат первоисточники); idem, *Contributii la istoria Romaniei. Problema evreiasca*, vols. 1-2 (каждый том состоит из двух частей) (Bucuresti: Hasefer, 2001).

⁴ Matatias Carp, ed., *Cartea neagră. Suferintele evreilor din Romania*, 3 vols. (Bucuresti: Diogene, 1996 [Atelierele Grafice Soccec, 1946]).

⁵ См.: Victor Eskenasy, „The Holocaust and Romanian Historiography: Communist and Neo-Communist Revisionism”, Randolph L. Braham, ed., *The Tragedy of Romanian Jewry* (New York: Rosenthal Institute for Holocaust Studies, 1994), pp. 79-194.

⁶ Для ознакомления с анализом дискурса тех, кто отрицает и преуменьшает Холокост см.: Comisia Internationala pentru Studiarea Holocaustului in Romania, *Documente*. Ed. de Lya Benjamin (Iasi: Polirom, 2005), pp. 333-380. Некоторые из этих аспектов я исследовал в „From Silence to Justification? Moldovan Historians on the Holocaust of Bessarabian and Transnistrian Jews”, *Nationalities Papers*, 30, nr. 3 (2002), pp. 436-457.

⁷ ICHR. *Final Report*.

чтобы доказать – в который раз! – вину румынских властей в этой трагедии, оставляя вопросы «как?» и «почему?» без рассмотрения⁸. Чтобы не попасть в ловушку подобных бесплодных дискуссий, я решил не вступать в спор с националистическим дискурсом: если считается необходимым дальнейшее опровержение националистических аргументов, это должно быть сделано в рамках отдельного проекта; данная же работа будет следовать собственной логике. Как образно выразился Тимоти Снайдер (Timothy Snyder), «можно легко увлечься хореографией созидания и уничтожения мифов, но трудно после этого вернуться в собственный ритм»⁹.

Данная книга многим обязана усилиям историков, которые открыли и опубликовали многочисленные первичные источники, связанные с историей румынского Холокоста, преследованиями ромов и планами выдворения других национальных меньшинств. Помимо упомянутого выше сборника, созданного Мататиасом Карпом, достоин внимания сборник документов о Холокосте румынских евреев, опубликованный Жаном Анчелом, а также сборник, опубликованный Лиией Бенджамин и другими исследователями в сотрудничестве с Федерацией союзов еврейских общин Румынии¹⁰. Недавно к этому списку прибавились сборник, опубликованный Международной комиссией по исследованию Холокоста в Румынии, и сборник, опубликованный Германскими национальными архивами¹¹. Для исследования темы депортации ромов были использованы две прекрасные коллекции документов, опубликованные Лучианом Настасэ и Андреа Варга, а также Виорелом Акимом¹². Виорел Аким также опубликовал и блестяще прокомментировал некоторые важные документы, касающиеся планирования послевоенных обменов населением¹³. Среди многочисленных публикаций первоисточников, относящихся к различным аспектам анализируемого в данной книге периода истории Румынии, хочется отметить перепечатку Марчелом Думитру Чукэ и его сотрудниками материалов заседаний Совета министров с 1940 по 1944 г.¹⁴ Ссылки на другие важные публикации читатель найдет в библиографии и конечных примечаниях.

Фокус и архитектура «Очищения нации» отличаются от других исследований румынской политики в отношении национальных меньшинств во время Второй мировой войны. Во-первых, исследование не ограничивается политикой властей по отношению к евреям и ромам, а рассматривает ее в контексте намерения правительства очистить Румынию от всех меньшинств. Безусловно, евреи и ромы подвергались в Румынии периода Второй мировой войны самым варварским формам преследования, и по этой причине любое исследование политики

⁸ Irina Livezeanu, „The Romanian Holocaust: Family Quarrels”, *East European Politics and Societies.*, 16, nr. 3 (2002), pp. 934–947, особенно p. 941.

⁹ Timothy Snyder, *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Belarus, 1569–1999* (New Haven, CT: Yale University Press, 2003), p. 10.

¹⁰ Jean Ancel, ed., *Documents Concerning the Romanian Jewry during the Holocaust*. 10 vols. New York: Beate Klarsfeld Foundation, 1986; *Evreii din Romania intre anii 1940–1944. Izvoare si marturisiri referitoare la evreii din Romania* (serie speciala), включая: Lya Benjamin, Sergiu Stanciu, eds., vol. I, *Legislatia antievreiasca* (Bucuresti: Hasefer, 1993); Lya Benjamin, ed., vol. II, *Problema evreiasca in stenogramele Consiliului de Ministri* (Bucuresti: Hasefer, 1996); Ion Serbanescu, ed., vol. III, partile I–II, *1940–1942: Perioada unei mari retristi* (Bucuresti: Hasefer, 1997); Ion Serbanescu, ed., vol. IV, *1943–1944: Bilantul tragediei – renasterea sperantei* (Bucuresti: Hasefer, 1998).

¹¹ CISHR. Documente, ed., de Lya Benjamin (Iasi: Polirom, 2005); Ottmar Trasca, Dennis Deletant, eds., *Al III Reich si Holocaustul din Romania, 1940–1944. Documente din arhivele germane* (Bucuresti: Editura Institutului National pentru Studiul Holocaustului din Romania „Elie Wiesel”, 2007).

¹² Lucian Nastasă, Andrea Varga, eds., *Minoritati etnoculturale. Marturii documentare. Tiganii din Romania (1919–1944)* (Cluj-Napoca: Centrul de resurse pentru diversitate etnoculturala, 2001); Viorel Achim, ed., *Documente privind deportarea tiganilor in Transnistria*, 2 vols. (Bucuresti: Editura Enciclopedica, 2004).

¹³ Viorel Achim, „Proiectul guvernului de la Bucuresti privind schimbul de populatie romano-ruso-ucrainean (1943)”, *Revista istorica*, 11, 9 (2000), pp. 395–421; „The Romanian Population Exchange Project elaborated by Sabin Manuila in October 1941”, *Annali dell’ Istituto storico italo-germanico in Trento*, 27 (2001), pp. 593–617; „Schimbul de populatie in viziunea lui Sabin Manuila”, *Revista istorica*, 13, 5–6 (2002), pp. 133–150.

¹⁴ Marcel-Dumitru Ciuca, Aurelian Teodorescu, Bogdan Florin Popovici, eds., *Stenogramele sedintelor Consiliului de Ministri. Guvernarea Ion Antonescu*, 9 vols. (Bucuresti: Arhivele Nationale ale Romaniei, 1997–2006).

этнических чисток должно ставить эту проблему в центр внимания. Тем не менее, как будет показано ниже, румынская политика в отношении евреев и ромов, ее разработка, эволюция и последствия не могут быть поняты вне более широкого контекста, а именно проекта тотального этнического очищения страны¹⁵. Следует отметить, что такой поход не нов в постоянно растущей историографии этнических чисток, в которой принято рассматривать Холокост как наиболее варварский и систематический – уникальный в этом смысле – случай этого явления¹⁶.

Во-вторых, поскольку эта работа посвящена политике румынского государства и реакции на нее со стороны различных частей румынского общества, в ней меньше внимания уделяется некоторым кровавым антиеврейским погромам, имевшим место, например, в январе 1941 г. в Бухаресте или в июне того же года в Яссах, которые хотя и являются частью истории румынского Холокоста, однако произошли не по инициативе правительства, которое несет за них лишь косвенную ответственность. Зато кровавые бои, устроенные на территории Бессарабии и Северной Буковины в июле-августе 1941 г., когда румынская армия, жандармерия и полиция убивали по приказу правительства, анализируются детально.

В-третьих, в отличие от других работ по этой теме, особое внимание уделяется анализу планов этнической чистки. Планы эти, хоть и не были осуществлены на практике, очень важны для понимания того, каким образом власти представляли себе средства реализации этнического очищения.

Целями данной работы является реконструкция идейного, культурного и политического контекста, в котором началось и развернулось преследование евреев и ромов; выявление истоков проекта тотального этнического очищения нации; объяснение того, почему эти идеи оказались столь привлекательными для румынских лидеров и значительной части интеллектуальной элиты Румынии начала 1940-х гг.; прослеживание эволюции политики, нацеленной на этнические чистки; и наконец, объяснение причин, по которым правительство реализовало на практике лишь малую часть задуманного.

Хотя исследование сконцентрировано на событиях 1940–1943 гг., первая его часть посвящена преимущественно интеллектуальной истории румынских крайне правых 1930-х гг. Главная цель такого анализа – выявление истоков консенсуса по поводу необходимости и осуществимости тотального этнического очищения, к которому румынские правые круги пришли осенью 1940 г. Я полагаю, что без такого анализа невозможно понять, почему, когда правительство в августе 1940 г. провозгласило такую чистку официальной политикой, значительная часть бюрократов и интеллектуалов выразила желание участвовать в ее реализации. Анализ позволяет также выявить причины того, почему все правительства военного периода целиком посвятили себя этому проекту, вопреки тому факту, что ни один теоретик этнического очищения в их состав не входил. В этой части я также кратко останавливаюсь на публикациях главных действующих лиц – идеологов очищения, относящихся к периоду Второй мировой войны. Такой подход может показаться несколько проблематичным, коль скоро военный период исследуется во второй части книги. Однако необходимость проследить интеллектуальную траекторию этих лиц в период их наибольшего влияния с лихвой перевешивает структурные недостатки.

Следует уточнить, что я счел необходимым включить этот, пусть краткий, анализ эволюции румынского национализма в 1930-х – начале 1940-х гг. по той простой причине, что она недостаточно исследована в специальной литературе. Известная книга Ирины Ливезяну концентрируется в основном на 1920-х гг. и не рассматривает интеллектуальную историю крайне

¹⁵ В своей недавней новаторской работе о румынской политике в провинции Буковина Мариана Хауслейтнер (Mariana Hausleitner) сосредоточилась на отношении ко всем меньшинствам этой провинции в межвоенный и военный периоды. См.: *Die Rumänisierung der Bukowina: Die Durchsetzung des Nationalstaatlichen Anspruchs Grossrumäniens 1918–1944* (München: Oldenbourg, 2001).

¹⁶ Подход тот же, что и в работах, указанных в сноске 1.

правых 1930-х гг.¹⁷ Ценное исследование покойного румынского историка Зигу Орнеа (Zigu Ornea) не затрагивает некоторые очень важные для политики этнического очищения аспекты интеллектуальной эволюции, как то евгенику и «научную демографию», поскольку они не входили в круг его особых интересов¹⁸. С другой стороны, книга Марии Букур (Maria Bucur) о румынской евгенике сосредоточена на межвоенном периоде и не уделяет внимания Второй мировой войне¹⁹. Ученое сообщество, несмотря на то что история румынского антисемитизма стала предметом некоторых глубоких и замечательных исследований, еще не осознало в полной мере истинные размеры ксенофобии румынских правых, их враждебности к лицам иной этнической принадлежности, степени их одержимости идеей этнической чистоты как единственного «естественного» состояния нации²⁰.

Следует также прояснить, что судьба депортированных и обращение с ними в круг интересов данной книги не входят. Такое ограничение темы объясняется несколькими соображениями. Депортированные в 1941–1942 гг. из Румынии лица заключались в гетто и концлагеря на территории Транснистрии – региона на юге Украины, который с сентября 1941 по март 1944 г. был оккупирован и управлялся Румынией. Однако Транснистрия, которая, таким образом, превратилась в место концентрации разного рода «этнически нежелательных» лиц, не была аннексирована Румынией. Предполагалось, что по окончании войны интернированные на ее территорию лица будут депортированы далее на восток, возможно, за Урал. Таким образом, Транснистрия не подвергалась чистке, хотя возможность ее аннексии по окончании войны с последующей этнической чисткой всерьез принималась в расчет. Тем не менее как правовой режим, так и политика по отношению к ее жителям существенно отличались от тех, что существовали в Румынии. Эти темы заслуживают рассмотрения в отдельной книге; в настоящем томе они неуместны²¹.

Румынская политика этнической чистки определялась не только идеологией. Румынские лидеры были вынуждены принимать в расчет и многие другие аспекты, важнейшим из которых было международное положение страны. По этой причине в книге уделяется значительное внимание эволюции внешней политики Румынии в конце 1930-х – начале 1940-х гг. и особенно мотивам, которые подвигли румынских лидеров пойти на союз с нацистской Германией. Союз этот неизбежно сказался на внутреннем климате и оказал сильное влияние на многих политиков, бюрократов и интеллектуалов, в основном правого толка. С другой стороны, когда румынские правители пришли к выводу, что Германии не удастся победить своих противников, они возобновили связи с западными союзниками, и эта переориентация повлияла на политику в

¹⁷ Irina Livezeanu, *Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995).

¹⁸ Zigu Ornea, *Anii treizeci. Extrema dreapta romaneasca* (București: Editura Fundației Culturale Romane, 1995); вариант на английском языке: *The Romanian Extreme Right: The Nineteen Thirties*, trad. de Maria Popescu (Boulder, CO: East European Monographs, 1999). Перевод, к сожалению, настолько несовершенен, что им практически невозможно пользоваться.

¹⁹ Maria Bucur, *Eugenics and Modernization in Interwar Romania* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002). См. также: Marius Turda, „The Nation as Object: Race, Blood, and Biopolitics in Interwar Romania”, *Slavic Review*, 66, nr. 3 (2007), pp. 413–442.

²⁰ Самые значительные труды по румынскому антисемитизму представлены следующими авторами: William O. Oldson, *Providential Anti-Semitism: Nationalism and Polity in Nineteenth Century Romania* (Philadelphia, PA: American Philosophical Society, 1991); Leon Volovici, *Nationalist Ideology and Anti-Semitism: The Case of Romanian Intellectuals in the 1930s*, trad. de Charles Kormos (New York: Hebrew University of Jerusalem and Pergamon Press, 1991); Andrei Oisteanu, *Imaginea evreului in cultura romana. Studiu de imagologie in context est-central-european*, ed. III-a, revazuta, adaugata si ilustrata (Iasi: Polirom, 2012).

²¹ Румынская политика в Транснистрии стала предметом новых исследований на западноевропейских языках: Ancel, *Transnistria*; Ekkehard Volk, *Transnistrien und Odessa (1941–1944)*, *Schriftenreihe des Osteuropainstituts Regensburg-Passau*, Bd. 14 (Kalmunz: Lassleben, 1996); Mariana Hausleitner, Brigitte Mihok, Juliane Wetzel, eds., *Rumanien und der Holocaust: zu den Massenverbrechen in Transnistrien 1941–1944*, *Nationalsozialistische Besatzungspolitik in Europa 1939–1945*. Bd. 10. Berlin: Metropol, 2001.

отношении национальных меньшинств²². В данной работе эти аспекты в определенной мере рассмотрены.

Другая тема румынской политической истории, которую я, вопреки моим первоначальным планам, посчитал требующей включения, – это краткий обзор румынской политической элиты. На протяжении 1930-х гг. румынская внутренняя и внешняя политика всё больше зависела от желаний и прихотей монарха и его окружения. С 1938 по 1940 г. в стране существовала королевская, а с 1940 по 1944 г. – военная диктатура. Историки, исследующие политические режимы, при которых широкие властные полномочия сосредоточены в руках одного лица, не могут не изучать самым подробным и внимательным образом личность диктатора и проводимую им политику, как не могут пренебречь институциональным устройством, отношениями между руководящим лицом и его подчиненными, а также в кругу этих последних.

Более того, хотя во время военной диктатуры полицейский надзор стал всеобщим, репрессии против представителей этнического большинства применялись лишь изредка, а общественное мнение до последнего года войны в целом поддерживало режим и его политику союза с нацистской Германией. Насколько румынское общество поддерживало политику этнической чистки и, в частности, жестокое преследование и убийство евреев? Какие круги и по каким причинам сопротивлялись им? Каковы были побудительные мотивы румын, поддерживавших политику этнической чистки, и что двигало теми, кто оказывал ей сопротивление, пусть даже и спорадическое? Вот лишь некоторые из «неудобных вопросов» истории Румынии во Второй мировой войне. Данный том, не претендуя на окончательные ответы, пытается внести свой вклад в их обсуждение.

Я показываю, что политика этнического очищения осуществлялась по приказам самых высокопоставленных официальных правительственных лиц. Тем не менее я не игнорирую роль чиновников среднего и низшего звена, рядовых солдат и жандармов в совершении зверств. Я не считаю этих исполнителей простыми орудиями в руках румынского правительства. Напротив, я обращаю особое внимание на их поведение, пытаюсь обнаружить признаки энтузиазма или, наоборот, колебания и даже сопротивления зверским приказам сверху, а также побудительные мотивы, влиявшие на их поведение. Я также прослеживаю влияние давления снизу на политику властей, т. е. то, как это давление иногда побуждало правительство прибегать к более радикальным и более кровавым, а в другой ситуации и в другом контексте – к более умеренным средствам этнических чисток. Таким образом, книга сочетает в себе подходы, характерные для политической, интеллектуальной и социальной истории. Применяя терминологию немецкой историографии истории нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», можно сказать, что в настоящей книге сочетаются интенционалистские и функционалистские перспективы, хотя влияние первых более заметно²³.

Термин «Холокост» неизменно ассоциируется с нацистской политикой физического истребления европейского еврейства, и это вполне справедливо, ибо без Гитлера и нацистской партии, пришедших к власти в Берлине, подобная катастрофа, несомненно, никогда бы не произошла. Тем не менее немцы не были единственными виновниками этих чудовищных преступлений; уничтожению европейского еврейства способствовали правительства, армии и полиции всех пронацистских режимов Европы. Пронацистские режимы и поддерживавшие их элиты преследовали и уничтожали евреев, руководствуясь своими соображениями, которые были аналогичны нацистскому проекту, но не вполне совпадали с ним. Вот почему внимание

²² Политическую эволюцию румынской внешней политики с конца 1930-х до августа 1944 г. исследовали также многие историки. Одна из опубликованных недавно на эту тему книг была написана Себастианом Балтой: *Rumänien und die Großmächte in der Ära Antonescu* (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005). Эта книга верно отражает как ранее накопленные знания, так и обилие архивных свидетельств, опубликованных после распада Советского Союза.

²³ Более существенный обзор интенционалистских и функционалистских дебатов см.: Ian Kershaw, *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*, 4th ed. (London: Arnold, 2000), pp. 93-160.

ученого сообщества к этому классу преступников, их политике, идеологиям и другим мотивационным детерминантам вполне оправдано²⁴. Настоящая работа, хотя она и не ограничивается преследованием евреев, вносит вклад в их изучение.

²⁴ Лучше всего исследован случай Венгрии. См. особенно: Randolph L. Braham, *The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary*, 2 vols. (New York: Columbia University Press, 1981); Judit Molnar, ed., *The Holocaust in Hungary: A European Perspective* (Budapest: Balassi Klado, 2005), особенно статью Кристиана Унгвари (Krisztian Ungvary), „Deportation, Population Exchange and Certain Aspects of the Holocaust”, pp. 86-102. О Словакии см.: Walter Brandmuller, *Holocaust in der Slowakei und katolische Kirche* (Neustadt an der Aisch: Ph. C. W Schmidt, 2003); и Holly Case, „Territorial Division and the Holocaust: Hungary and Slovakia during World War II”, Doris L. Bergen, ed., *Lessons and Legacies, VIII from Generation to Generation* (Chicago: Northwestern University Press, 2009), pp. 222–224. О Хорватии см.: Tomislav Dulie, „Mass Killing in the Independent State of Croatia, 1941–1945: A Case for Comparative Research”, *Journal of Genocide Studies*, 8, nr. 3 (2006), pp. 255–281. О Болгарии см.: Tzvetan Todorov, ed., *The Fragility of Goodness: Why Bulgaria's Jews Survived the Holocaust: A Collection of Texts with Commentary* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001).

Примечание к русскому изданию

Эта книга была закончена в 2008 г. С тех пор по исследуемым темам появилось много томов и множество статей. Я продолжал свою исследовательскую работу, и при этом некоторые мои взгляды изменились. При подготовке румынского издания я решил внести минимальные изменения, ограничившись исправлением грамматических и фактологических ошибок, которые были замечены мной или моими читателями. Выражаю свою благодарность всем, кто указал мне на них. Перевод на русский язык выполнен с румынского исправленного издания. Я внес лишь незначительные дополнения, направленные на разъяснение некоторых моментов, могущих быть неизвестными русскому читателю.

Благодарности

Я начал работу над этой книгой в 2003 г., когда проходил стажировку в Центре продвинутых исследований Холокоста при Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне (Федеральный округ Колумбия). Выражаю свою благодарность в первую очередь замечательному персоналу Центра, который создал великолепные условия для успешной исследовательской работы. Выражаю особую благодарность Раду Иоаниду, Полу Шапиро, Питеру Блэку, Венди Лауэр, Мартину Дину, Майклу Гелбу, Вадиму Альтскану и Бентону Арновицу за помощь, оказанную при работе в архивных фондах Центра, за щедрость, с которой они делились со мной своими обширными знаниями и исследовательским опытом. Когда я работал в бухарестских библиотеках, неоценимую помощь мне оказали архивариусы Оана Димитриу, Мариана Економу, Марина Георге, Родика Канае, Ионека Ангел и Юлиан Лупу. Особую благодарность выражаю Марчелу-Думитру Чук, в то время директору Национального архива, который любезно предоставил мне доступ к некоторым ключевым документам. Виорел Аким великодушно поделился своими выдающимися знаниями о румынских архивах и библиотеках. По возвращении в Соединенные Штаты я пользовался поддержкой Университета Центральной Флориды, и в особенности кафедры истории, на которой я занимаю должность ассоциированного профессора (доцента). Мои коллеги Кэрол Адамс, Розалинд Бейлер, Роберт Кассанелло, Ричард Крепо, Конни Лестер, Брюс Поли и Джонатан Скотт Перри помогли мне улучшить различные главы рукописи. Мои исследовательские ассистенты Дэвид Диноколо, Линдсей Мак-Неллис и Даниэль Фандино своей помощью сыграли важную роль в том, что я смог гораздо быстрее продвинуться в своей работе.

Успешному продвижению исследования и улучшению моей рукописи способствовали многие коллеги вне тех учреждений, в которых я работал. Особую благодарность заслуживает Холли Кейс за особый интерес, проявленный к моей работе, и постоянную готовность помочь мне ее улучшить. Ее бесценные советы оказались очень важными для того чтобы данный проект достиг финала. Своей компетентной критикой и поддержкой помогли Карел К. Беркхофф, Георгий Дерлугьян, Майкл Дэвид-Фокс, Ребекка Хейнс, Чарльз Кинг, Ирина Ливезяну, Норман Неймарк, Питер Холквист, Владимир Тисмэняну и Мариус Турда. То же самое сделали и участники сессий Национальных конвентов Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES) и университетских конференций при Университете Уэбстера, Брукса в Оксфорде, Питтсбурге) и Черновицком национальном университете имени Юрия Федьковича. Свои советы по поводу архивных фондов Республики Молдова любезно предоставил Изяслав Левит. Значительный вклад в дело совершенствования рукописи внесли своей уместной критикой рецензенты издательств Центра Вудро Вильсона и Университета Джонса Хопкинса. Тем не менее все ошибки и недостатки принадлежат исключительно мне.

Русское издание этой книги стало возможно благодаря бескорыстной поддержке Алексея Тулбуре и Сергея Эрлиха, за которую я выражаю им свою глубокую признательность.

Последнюю по очереди, но не по значению, я выражаю благодарность моей жене Анастасии и моим детям, Елизавете и Алексею, без которых я жизни себе не представляю. Они оказали мне поддержку в самые трудные моменты на пути к завершению проекта, одаряя меня своим теплом и душевным комфортом.

Замечание об источниках

Львиная доля используемых в данном исследовании архивных документов происходит из фондов микрофильмов Центра продвинутых исследований Холокоста при Мемориальном музее Холокоста. В этих фондах хранятся копии архивных документов из Румынии, России, Молдовы, Украины и других стран. Они включают также и свидетельства выживших. Остальные архивные документы происходят прямо из бухарестских архивов, а именно: Центрального национального исторического архива и Архива Министерства иностранных дел, а также из отдела рукописей Румынской академии наук. Вдобавок я проштудировал трофейные немецкие документы из Мэрилендского национального архива и копии других важных документов, полученных из архива Министерства иностранных дел Германии и архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

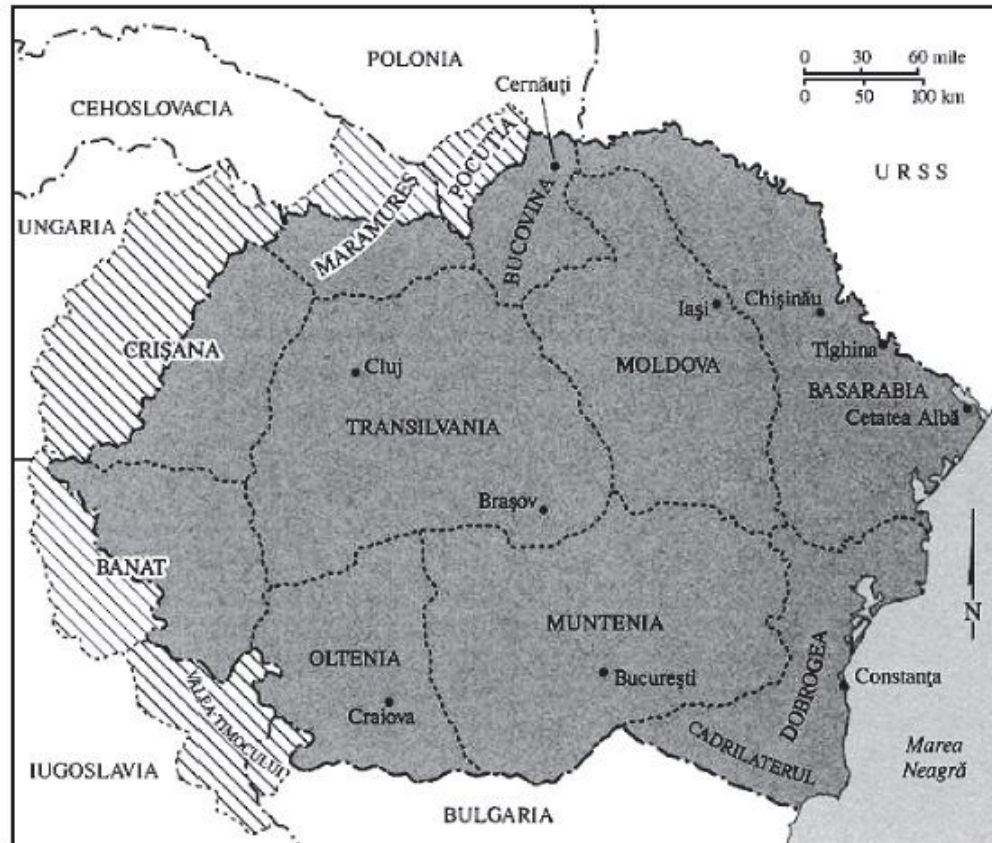
Список сокращений

- ГА РФ Государственный архив Российской Федерации
ГСРКИ Государственный субсекретариат по румынизации, колонизации и инвентаризации (Румыния)
ДАОО Государственный архив Одесской области (Украина)
ДА СБУ Государственный архив Службы безопасности Украины
ДАЧО Государственный архив Черновицкой области (Украина)
КББТ Военно-гражданский кабинет администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии
МКИХР Международная комиссия по исследованию Холокоста в Румынии (International Commission on the Holocaust in Romania)
НБР Национальный банк Румынии
НИКООП Национальный институт кооперации (Румыния)
НЛП Национал-либеральная партия (Румыния)
НХП Национальная христианская партия (Румыния)
НЦП Национал-царанистская партия (Румыния)
ОА Особый архив (Российская Федерация)
РЖД Румынские железные дороги
ССИ Специальная служба информации (Румыния)
ФНВ Фронт национального возрождения (Румыния)
ФСЕО Федерация союзов еврейских общин (Румыния)
ЦА ФСБ Центральный архив Федеральной службы безопасности (Россия)
ЦБР Центральное бюро по румынизации
ЦИС Центральный институт статистики (Румыния)
АМАЕ Архив министерства иностранных дел Румынии
АМАН Архив Министерства национальной обороны Румынии
АНИ Национальный исторический архив (Arhivele Naționale Istorice, Румыния)
АНИС Центральный национальный исторический архив (Румыния)
АНИ-V Национальные исторические архивы, филиал уезда Вылча (Румыния)
АНРМ Национальный архив Республики Молдова
АИС Архив Службы информации и безопасности (Молдова)
АРИ Архив Румынской Службы информации
ВАР-SM Библиотека Румынской академии наук, Отдел рукописей
СИСHR Международная комиссия по холокосту в Румынии (рум. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului din România)
ДГР Генеральный директорат полиции (Румыния)
НИА Архив Гуверовского института войны, революции и мира (США)
ИЧР Международная комиссия по исследованию Холокоста в Румынии (англ. International Commission on the Holocaust in Romania)
ИГЖ Генеральный инспекторат жандармерии (Румыния)
МАД Министерство земледелия и государственных имуществ (Румыния)
МАИ Министерство внутренних дел (Румыния)
МО *Monitorul oficial* (Правительственное издание Румынии, в котором печатаются официальные акты)
НАРА Национальные американские архивы (г. Колледж Парк, штат Мэриленд)
РА АА Политический архив, Министерство иностранных дел Германии

RG Регистрационная группа документов в архиве Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне

SSSRСI Государственный субсекретариат по румынизации, колонизации и инвентаризации (Румыния)

USHMM Мемориальный музей Холокоста (США, Вашингтон)

- — Великая Румыния;
- ▨ — исторические провинции или их части, не принадлежавшие Румынии, но бывшие объектом притязаний румынских националистов, поскольку их население включало романоязычные этнические меньшинства;
- — государственные границы

Карта 1. Великая Румыния и ее исторические провинции

□ — Румыния; ▨ — часть советской Украины, оккупированная и управлявшаяся Румынией в 1941–1944 гг.

Карта 2. Румыния в 1942 г.

Введение

В один из сентябрьских дней 1941 г. румынский диктатор, маршал Ион Антонеску вызвал в бессарабский город Тигину, где в то время находилась его ставка как главнокомандующего румынской армии, директора Центрального института статистики. Сама встреча в официальном журнале приемов диктатора отмечена не была, и беседа не была запротоколирована, но о содержании ее можно судить на основании меморандума, подготовленного вышеупомянутым директором, доктором Сабином Мануилэ, в середине октября²⁵. Согласно меморандуму, во время аудиенции диктатор поведал ему о своем «величественном идеале». Мануилэ, хоть и был смущен радикальностью и смелостью взглядов своего шефа, выразил свое согласие с ними и начал разрабатывать план по претворению этой мечты в реальность²⁶.

«Величественный идеал» Антонеску сводился к воссозданию Великой Румынии в границах 1939 г., при этом «очищенной» с этнической точки зрения. Он предполагал, во-первых, восстановление территориальной целостности Великой Румынии, такой, какой она сложилась после Первой мировой войны и просуществовала до лета 1940 г., когда ее вынудили уступить Бессарабию и Северную Буковину Советскому Союзу, север Трансильвании – Венгрии и юг Добруджи – Болгарии. Когда Антонеску встречался с Мануилэ в Тигине, в только что отвоеванных у Советов Бессарабии и Буковине восстанавливалась румынская администрация; таким образом, Антонеску, несомненно, чувствовал, что судьба благосклонна к нему и его стране. Он, похоже, верил, что вскоре и остальные провинции будут воссоединены с Румынским королевством. В этом отношении Антонеску был не одинок: в то время многие румыны наверняка разделяли его страстное желание вернуть утраченные территории и отомстить за перенесенное страной год назад унижение. Вторая же часть его «идеала», по свидетельству Мануилэ, застала последнего врасплох и поразила его своим радикализмом: это было намерение осуществить – да еще за относительно короткий период – тотальное этническое «очищение» путем обмена населением с соседними странами или «одностороннего перемещения» нерумын, не имеющих «внешних родин», как то евреев и ромов, за пределы страны в еще не определенные регионы²⁷.

Удивление Мануилэ было вполне обоснованным. Согласно переписи 1930 г., – самой достоверной на тот момент – население Великой Румынии насчитывало 18 057 028 человек, среди которых нерумын было 5 075 028, или 28,1 %. Как разъяснил в своем меморандуме Мануилэ, если бы концепция Антонеску осуществилась, нерумынское население сократилось бы до 1 633 121, среди которых немцы (4,5 % всего населения) представляли больше половины. Другим меньшинством, не подлежавшим немедленной чистке, были «турко-татары» (1,1 % от общего числа), однако ожидалось, что и они добровольно эмигрируют в Турцию на основании специальной румынско-турецкой конвенции 1936 г.²⁸ Общая численность остальных меньшинств – венгров, украинцев, болгар и сербов, – меньшинств, на протяжении веков проживавших на территории Великой Румынии, должна была сократиться до 618554 человек, что

²⁵ Журнал посещений Антонеску за 1941 г. в: Arhivele Naționale Istorice, București, România (далее – ANI), Biroul Președintelui, Consiliul de Miniștri, Cabinetul Militar, Ion Antonescu, 608/1941. См. меморандум Мануилэ: ANI, Fond Sabin Manuilă, XII/211. Документ опубликовал Виорел Аким в статье „The Romanian Population Exchange Project Elaborated by Sabin Manuilă in October 1941”, *Annali dell’Istituto storico italo-germanico in Trento*, 27 (2001), pp. 593–617. См. также: Achim, „Schimbul de populație în versiunea lui Sabin Manuilă” *Revista istorică*, 13, nr. 5–6 (2002), pp. 133–150.

²⁶ ANI, Fond Sabin Manuilă, ff. 1 и след.

²⁷ Синтагма «одностороннее перемещение» используется Мануилэ: *ibid.* f. 9. Он не объяснил, что означает это выражение, но смысл понятен из контекста. См. Achim, „Schimbul de populație în versiunea lui Sabin Manuilă”, p. 144. Меморандум Мануилэ не вносит ясности по вопросу о том, куда следовало переместить такие не имеющие «внешних родин» меньшинства, но содержит обещание, что будет подготовлен специальный документ с разъяснениями. Такой документ, однако, не был найден.

²⁸ О румынско-турецкой конвенции 1936 г., предусматривающей добровольную эмиграцию в Турцию тюркоязычных румынских мусульман, см. гл. 2.

составляло бы лишь 3,4 % от общего числа населения. Это должны были быть преимущественно лица пожилого возраста, неспособные к деторождению. Исключение предполагалось сделать только для «сельских богатеев, максимум один-два процента» от общего количества соответствующего меньшинства, которые считались важными с экономической точки зрения.

Чтобы видение Антонеску стало явью, Румынию должны были покинуть 3 581 618 человек, а из соседних государств переселиться в Румынию 1 602 399 этнических румын²⁹. Почти 5200000 человек должны были быть вырваны из привычной им среды и насильственно перемещены в места и страны, о которых большинство из них ничего не знало. И всё это должно было осуществить правительство бедной страны с 18 036 087 жителей – таково было бы население Румынии после завершения обменов. Осуществление этой концепции принесло бы драматические перемены Румынии и ее соседям.

О том, что Мануилэ знал, что стоит за этими цифрами, свидетельствуют его же слова: «Обмен населения требует сверхчеловеческих усилий и причиняет неисчислимые страдания». По мнению Мануилэ, целое поколение румын должно было бы посвятить всю свою жизнь исключительно этой цели. Предупредив своего шефа о трудностях и опасностях, подстерегающих страну на этом пути, Мануилэ тем не менее подтвердил необходимость двигаться в направлении «Румынии завтрашнего дня», которая должна была быть «однородной с этнической точки зрения» нацией, охватывающей внутри своих границ всех этнических румын. Таким должен был быть «величественный идеал», «истинный национальный идеал» всех румын³⁰. Как будет показано ниже, эти термины были не случайны. Они были укоренены в румынской политической культуре и недавней политической истории.

²⁹ ANI, Fond Sabin Manuila, XII/211, ff. 1–2, 9–10. Эти цифры представляют естественный прирост населения, которое в 1930 г. насчитывало, по мнению Мануилэ, около 2 млн человек.

³⁰ Ibid., ff. 1–2.

Часть I

Национальный идеал

Глава 1

Один идеал или несколько? Краткая история

1.1. Великое объединение

На момент, когда Мануилэ составлял свой меморандум, выражение «национальный идеал» имело долгую историю в румынской политической культуре. Накануне Великой войны эта синтагма означала национальное объединение, т. е. присоединение к румынскому государству всех считающихся румынскими провинций. Современное румынское государство-нация было создано в 1859 г. в результате объединения двух румынских, или Дунайских княжеств, Валахии и Молдовы, которые в то время находились под османским сюзеренитетом (полная независимость была обретена в 1878 г.). Но Румыния в границах 1859 г. (территория, впоследствии известная как Старое Королевство, или Регат) была окружена с востока, севера и запада территориями, на которых этнические румыны составляли или абсолютное, или относительное большинство населения. В средние века некоторые из этих провинций – в частности Бессарабия и Буковина – принадлежали Молдове. Фактически за пределами Румынии проживало больше этнических румын, чем на ее территории, что во времена господства национализма считалось ненормальным и несправедливым положением.

Румынский «национальный идеал» был вариацией на тему, которая для элит вновь созданных балканских государств была наиважнейшей: осуществление национального объединения, которое понималось как максимальное расширение контроля государства над территориями, считавшимися – по разным мотивам – наследием предков. В начале XX в. казалось, что шансы Румынии осуществить свой национальный идеал были даже меньше, чем у других новых государств Юго-Восточной Европы. Ее проблема состояла в том, что румынские «земли предков» находились в составе двух соседних могущественных империй, России и Австро-Венгрии, исчезновение которых считали вероятным лишь очень немногие современники. Руководители двух главных румынских политических партий – либералы и консерваторы – предпочитали не предаваться грезам, а сосредоточиться на неотложных аспектах социально-экономического развития, пытаясь одновременно сохранить равновесие в отношениях с Веной и Санкт-Петербургом³¹.

Идеал, однако, сохранялся всегда: взлелеянный несколькими поколениями румынских поэтов, писателей и историков, он оказал сильное влияние на румынскую молодежь. Особенно значимой была роль историков, среди которых самым влиятельным и плодовитым в начале XX в. был Николае Йорга, прозванный «апостолом нации». Человек колоссальной энергии и амбиций, обладавший невероятной памятью и трудолюбием, он оставил огромное наследие, насчитывающее 1200 книг и брошюр, плюс приблизительно 23 тыс. статей и рецензий³². Накануне Великой войны Николае Йорга пользовался особым успехом у публики как оратор и публицист. Его лекции в Бухарестском университете в годы, предшествующие Первой мировой

³¹ См.: Charles и Barbara Jelavich, *The Establishment of the Balkan National States* (Seattle: University of Washington Press, 1977), pp. 178–182, 246–247.

³² О Йорге см.: Nicholas M. Nagy-Talavera, *Nicolae Iorga: A Biography* (Portland, OR: Center for Romanian Studies, 1998).

войне, неизменно собирали многочисленную и разнородную аудиторию. Йорга, получивший образование во Франции и Германии, был националистическим историком в духе Леопольда фон Ранке. Он считал, что европейская история неумолимо двигалась к «выделению народов из универсализма священной средневековой империи <...> согласно закону национальной крови». Таким образом, осуществление национального идеала было лишь вопросом времени – иначе просто быть не могло³³.

Трансильвания, одна из оккупированных иностранцами (по мнению румынских националистов) румынских провинций, занимала почетное место в румынском национальном воображении. Такое положение объяснялось двумя факторами. Во-первых, согласно общепринятой в Румынии версии национальной истории, Трансильвания была колыбелью румынского народа. Именно в ее горах укрывались потомки римских колонистов из завоеванной Дакии после ухода римлян на юг от Дуная (270–275 гг. н. э.), в течение девяти веков, вплоть до XII в., когда они вновь появились на исторической сцене и были отмечены в письменных источниках³⁴. Именно из Трансильвании румыны продвинулись на юг, вновь заселив земли, оставленные ими после ухода римлян и получившие позднее известность как Валахия и Молдова.

Во-вторых, с конца XIX до начала XX в. румынское население Трансильвании испытывало сильное давление со стороны венгерского государства, которое стремилось мадьяризировать все невенгерские национальности страны. В ответ на венгерское ассимиляторское давление румынская элита Трансильвании создала ряд автономных культурных организаций, газет, журналов, банков и фирм, которые обслуживали нужды румынских крестьян. Румынская интеллигенция вела пропагандистскую войну против будапештского правительства, стремясь склонить венский двор к вмешательству во внутренние дела венгерской части дуалистической империи в интересах румын и завоевать европейское общественное мнение (так называемое меморандистское движение 1880-х гг.)³⁵. Националистический пыл в Трансильвании был так силен, что переливался через Карпаты и вдохновлял восторженных юношей Бухареста. Среди них был и Никифор Крайник, будущий националистический публицист и поэт. Несколько десятилетий спустя после Великой войны, он напишет: «Трансильвания означала [для нас] национальный идеал!»³⁶

Таким образом, мотивом выступления Румынии против Австро-Венгрии на стороне Антанты в августе 1916 г. была Трансильвания. Однако военные действия не оправдали надежд румын. Несмотря на первоначальный энтузиазм, военный вклад Румынии оказался посредственным, и в марте 1918 г. страна была вынуждена заключить сепаратный мир с Центральными державами, которые к тому времени оккупировали большую часть страны, включая и столицу – Бухарест. Однако к осени 1918 г. Центральные державы потерпели поражение на Западном фронте, и 10 ноября 1918 г. Румыния вновь вступила в войну против них. Австро-Венгрия распалась, и румынские войска быстро оккупировали Трансильванию и Буковину, где политически мобилизованное румынское население устроило демонстрации с требованиями объединения с Румынией. (Бессарабия уже присоединилась к Румынии при схожих обстоятельствах в марте 1918 г., с согласия Германии и Австро-Венгрии, когда Российская империя распалась в результате большевистской революции.) Политический кризис в Венгрии достиг своей кульминации 21 марта 1919 г., когда коммунист Бела Кун стал премьер-министром и

³³ Выражение принадлежит Никифору Крайнику, в то время поклоннику Николае Йорга. См.: Crainic, *Zile albe, zile negre*, ed. Nedic Lemnaru (București, Casa Editorială „Gândirea”, 1991), pp. 105–106.

³⁴ О том, как румынские историки обычно представляют это малоизвестное время своей национальной истории, см., например: Nicolae Iorga, *A History of Roumania: Land, People, Civilization* (London: T. F. Unwin Ltd., 1925), pp. 11–79. С убедительным критическим текстом можно ознакомиться у Лучиана Бойа: Lucian Boia, *History and Myth in Romanian Consciousness* (Budapest: Central European University Press, 2001), pp. 83–128.

³⁵ См.: Hitchens, *Romania, 1866–1947* (Oxford: Clarendon Press, 1994), pp. 202–230.

³⁶ Crainic, *Zile albe zile negre*, p. 77.

была создана Венгерская советская республика. Это событие дало румынам повод еще дальше проникнуть на венгерскую территорию, и в августе 1919 г. они уже вступили в Будапешт³⁷. Такое развитие событий усилило их позиции при переговорах на Парижской мирной конференции.

Румынский успех в Париже был впечатляющим³⁸. Не столь важно, был ли он достигнут благодаря присутствию румынских войск в провинциях, на которые румыны претендовали, или вследствие выражения народной поддержки объединению с Румынией со стороны этнических румын в соответствующих провинциях, или твердости и ловким дипломатическим маневрам главы румынской делегации Иона И. К. Брэтиану, или приверженности союзников вильсоновскому принципу раздела территорий «согласно этнографическим и расовым чертам местного населения», или же сочетанию всех этих факторов. Гораздо важнее то, что румыны получили почти всё, что хотели, за двумя исключениями³⁹.

Во-первых, вопреки бурным протестам румын, западный Банат был отдан сербам: согласно переписи 1910 г., румыны составляли 37,42 % населения всей провинции. Румыны настаивали на том, что Банат был целостной географической единицей, которую нельзя разделять, и требовали присоединения его целиком, но союзники решили по-другому и отвели западную часть, примерно треть, сербам, которые имели там явное большинство; румыны же получили остальное⁴⁰. Во-вторых, Румынию заставили подписать договор, гарантирующий права меньшинств и предусматривающий предоставление избирательных прав евреям, которые на тот момент в подавляющем большинстве были лишены возможности получить румынское гражданство. Этот же договор вводил контроль со стороны Лиги наций над исполнением положений о правах меньшинств. В Румынии этот договор воспринимался как вмешательство во внутренние дела и национальное унижение и на долгое время стал предметом националистических протестов⁴¹.

Так или иначе, невозможно было отрицать, что страна оказалась в громадном выигрыше: с присоединением Бессарабии, Буковины, Трансильвании и большей части Баната, с возвращением юга Добруджи от Болгарии (юг Добруджи был аннексирован Румынией в 1913 г. вследствие Второй Балканской войны, но утрачен в 1918 г. при заключении сепаратного мира с Центральными державами), население и территория Румынии возросли более чем в два раза, с 7750 тыс. до 16 250 тыс. жителей и от 140 тыс. до 290 тыс. кв. км⁴². Мечта о Великой Румынии стала реальностью, и нация, которая всего лишь десятилетие назад была маленькой страной, зажатой в тисках между двумя великими империями, стала важным игроком в Юго-Восточной Европе.

³⁷ Hitchins, *Rumania, 1866–1947*, pp. 279–287.

³⁸ Лучшая книга на английском языке по данной теме написана Шерманом Дэвидом Спектором (Sherman David Spector), *Rumania at the Paris Peace Conference: A Study of the Diplomacy of Ioan I. Brătianu* (New York: Bookman Associates, 1962). Румынская историография очень обширна. См., например: Gheorghe Brătianu, *Aciunea politică și militară a României în 1919*, ed. Șerban Papacostea (București: Corint, 2001; Cartea românească, 1940), дополнительную библиографию – см.: Hitchins, *Rumania, 1866–1947*, p. 562. О значении этнографии при установлении границ Румынии см.: Jacques Variety, „Le comite d' etudies du quai d' Orsay et les frontieres de la Grande Roumanie, 1918–1919” *Revue roumaine d' histoire*, 35, nr. 1 (1996), pp. 43–51.

³⁹ Процитированные слова были обращены президентом Вудро Вильсоном к Иону И. К. Брэтиану на пленарном заседании Верховного совета (глав государств и правительств Америки, Великобритании, Франции, Италии) от 29 мая 1919 г. (цит. по: Spector, *Rumania at the Paris Peace Conference*, p. 140).

⁴⁰ Spector, *Rumania at the Paris Peace Conference*, pp. 123–126; 220–221. В то время как Банат разделили по этнографическим критериям, в Буковине, где в северной части преобладали украинцы, дела обстояли иначе. Вопреки протестам украинских лидеров, вся провинция отошла к Румынии. См. Hausleitner, *Die Rumänisierung in der Bukowina*, pp. 38–39, 102–107, 126–127, 195, 221–222.

⁴¹ См.: Spector, *Rumania at the Paris Peace Conference*, pp. 205–208, 213–219; Hitchins, *Rumania, 1866–1947*, pp. 286–291.

⁴² *Ibid.*, p. 290.

1.2. Национальный идеал в 1920-х – начале 1930-х годов. Развитие и национализм

Осуществление национального идеала в том понимании, которое сложилось перед Первой мировой войной, вызвало эйфорию, но вместе с тем оставило эмоциональную пустоту, породив ощущение утраты смысла жизни. По выражению Н. Крайника, «победа уничтожила веру, поглотив ее, и оставила за собой пустыню»⁴³. В стране, в которой романтический национализм был доминирующей формой политического самовыражения, такое ощущение пустоты могло привести к отчуждению многих, особенно из среды образованной молодежи. Румынские политики, осознавая эту опасность, попытались сконцентрироваться на том, чтобы дать новое толкование «национального идеала». Они попытались создать дискурс, который был бы способен направить энергию послевоенного поколения на решение стоявших перед новым государством задач.

В первом десятилетии после Великой войны авторитет победоносных западных демократий был столь велик, что почти всё общество и, несомненно, все влиятельные политики соглашались, что Румынии следовало подражать им во всем⁴⁴. Это означало, во-первых, что страна должна была стать демократической. В 1919 г. было введено всеобщее избирательное право, а в 1923 г. была промульжирована новая демократическая конституция. Во-вторых, страна должна была модернизироваться, развиваться, и прежде всего в экономическом отношении. Такое развитие должно было привести к повышению уровня жизни населения и решению ряда других задач. Императив экономического развития не представлял ничего нового, поскольку еще до Первой мировой войны по этому вопросу существовал консенсус среди элит как Румынии, так и других «отсталых» стран Юго-Восточной Европы. После осуществления Великого объединения румынские политики и публицисты попытались представить его как *подлинный* «национальный идеал» нового этапа национальной истории. Вот что писал в 1923 г. либеральный экономист и влиятельный общественный деятель того времени Михаил Манойлеску (Mihail Manoilescu):

Наш вчерашний идеал был един, ясен и прост: это был идеал воссоединения <...>

[Сегодня] мы находимся в фазе национальной реконструкции, успех которой обуславливает самое наше существование как государства и как народа⁴⁵.

Не было разногласий и по вопросу о том, что должно было послужить главным инструментом развития: это было государство. Правящие элиты не сомневались, что это государство должно быть *национальным*. Именно так определяла его характер статья 1 новой конституции⁴⁶. И что характерно, хотя оппозиция в лице Национальной партии⁴⁷ была возмущена тем, каким *способом* правящая Национал-либеральная партия приняла конституцию, проигнори-

⁴³ Crainic, *Zile albe, zile negre*, p. 147.

⁴⁴ Националистическое, крайне антисемитское и экстремистское, сопровождавшееся глубокими антидемократическими проявлениями движение всё же существовало, но в 1920-х гг. оно ограничивалось по большей части этнически румынскими лицеистами и студентами. Лучшая работа по этой теме – книга Ливезяну, *Cultural Politics in Greater Rumania*, особенно pp. 211–296.

⁴⁵ Mihail Manoilescu, „Neoliberalismul”, Petre Dan, ed., *Doctrinile partidelor politice* (București: Cultura Națională, 1923), pp. 226–227. В оригинале предложения расположены в обратном порядке.

⁴⁶ „The Kingdom of Romania is a national, unitary, and indivisible state”, Ioan Scurtu, Constantin Mocanu și Doina Smarcea, eds., *Documente privind istoria României între anii 1918–1944* (București: Editura Didactică și Pedagogică, 1995), doc. 17, 54.

⁴⁷ В 1926 г. трансильванская Национальная румынская партия объединилась с Крестьянской партией из Старого Королевства, образовав Национал-царанистскую (национально-крестьянскую) партию (НЦП). – *Прим. ред.*

ровав требования о введении региональной автономии, определение Румынии как национального государства никогда не ставилось под сомнение⁴⁸.

Чтобы продемонстрировать, какие изменения претерпело понятие «национального идеала» к началу 1930-х гг., обратимся к брошюре еще одного видного историка-националиста и политика правого толка, одного из главных соперников Н. Йорги, Константина К. Джуреску, изданной в 1932 г. под красноречивым названием «Новый идеал»⁴⁹. Этот текст, быть может, более чем какой-либо другой выражает общее настроение румынских элит 1920-х – начала 1930-х гг. Начав с предпосылки, что каждое общество, как и каждый человек, нуждается в идеале, который придавал бы смысл его существованию, Константин К. Джуреску заключил, что, таким образом, наличие такого идеала является непременным условием плодотворного и гармоничного развития любой нации. Далее Джуреску напомнил своим читателям, скольких свершений добилась румынская нация за сравнительно небольшой период. Всего сто лет назад, говорил Джуреску, румынским эмиссарам в Стамбуле, у трона имперского хозяина страны, не дозволялось даже глядеть в глаза султану, и свои жалобы они обязаны были подавать его министрам, распростершись ниц и целуя полы их одежд. С тех пор румынам удалось осуществить объединение обоих княжеств, обеспечить себе независимость от турок (1878 г.), объединить всех румын в едином государстве (1918 г.), ввести всеобщее избирательное право (1919 г.) и создать национальную буржуазию⁵⁰. Но с достижением всего этого, и прежде всего целостного национального государства, возникал неизбежный вопрос: какова новая цель, новый идеал румынского народа?

Джуреску был уверен, что знает ответ: новый национальный идеал состоял в том, чтобы *«обеспечить соответствующему этническому населению оптимальное материальное и моральное развитие, во всяком случае, более высокий уровень развития, чем тот, который был у него при прежних политических формациях, навязанных извне»* (выделено в оригинале). По признанию Джуреску, на момент составления этого трактата румынское государство не могло похвастаться успехами на этом пути. И всё же Джуреску стремился быть оптимистом: страна была богата природными ресурсами и ее населял чудесный народ; нужен был лишь *«долгосрочный и детальный план работ по всем направлениям и руководители, обладающие высоким моральными качествами и совершенным уважением к закону и государству»*⁵¹.

Румынские элиты, назвав свое государство «национальным», воспринимали его как принадлежащее одной этнонации – сообществу этнических румын. Несмотря на то что в конституции о румынах говорилось как о румынских гражданах, в обиходном повседневном употреблении эта синтагма почти всегда обозначала этнических румын. Например, в 1930 г., когда видный румынский демограф Сабин Мануилэ написал исследование о национальных меньшинствах, он смог привести цитаты из высказываний целого ряда румынских политиков и интеллектуалов, которые по данному вопросу выразили полное согласие. Так, Юлиу Маниу, один из лидеров Национальной, а затем Национал-царанистской (или Крестьянской) партии (НЦП), писал в 1924 г. о том, что национальное государство «является самой совершенной человеческой организацией, поскольку основывается на единстве языка, обычаев, мышления, традиций, стремлений, которые естественным образом характеризуют нацию <...>. В этой грандиозной организации, которая называется Государством, нуждается каждый народ, чтобы

⁴⁸ О дебатах по поводу принятия конституции 1923 г. см.: Hitchins, *Romania, 1866/1947*, pp. 409–410; о критике НЦП по поводу по конституции см.: Apostol Stan, Iuliu Maniu: naționalism și democrație. Biografia unui mare român (București: Saeculum I.O., 1997), pp. 143-145

⁴⁹ Constantin C. Giurescu, *Un nou ideal* (Turnu-Severin: f. e., 1932). Константин К. Джуреску был сыном историка Константина Джуреску и отцом Дину Джуреску, видного историка коммунистической и современной Румынии.

⁵⁰ Ibid., pp. 1–2. Данные в скобках приведены мной.

⁵¹ Ibid., pp. 2–3.

в ней и через нее усовершенствовать свои национальные специфические способности, а в случае необходимости выступить в их защиту»⁵².

Видный румынский географ, этнограф и антрополог Симион Мехединц настаивал на том, что румыны были единственной «автохтонной» нацией на территории Великой Румынии, поскольку, в отличие от других этнических групп, проживавших на ее территории, но имевших свои прародины в других местах, румыны как нация «зародились» на этой территории, в то время как национальные меньшинства были «внедрены» в румынскую нацию враждебными силами. Румыны как «хозяева» вынуждены были принять «гостей», т. е. меньшинства, но одновременно они должны были остерегаться центробежных тенденций некоторых из них⁵³. В концепции Национал-либеральной партии, одной из двух главных партий межвоенной Румынии (другой была Национал-царанистская партия), эта идея также являлась центральной. Так, в 1923 г. Ион Г. Дука, один из ее лидеров и будущий премьер-министр страны, пытаясь сформулировать доктрину партии, подчеркнул, что наряду с другими ценностями она включает и национализм в смысле «средства спасения материальной индивидуальности [румын], предотвращения их порабощения элементами, превосходящими их силой или уровнем организации». Отсылка к опасным элементам была аллюзией на иностранный капитал, который воспринимался как угроза местным предпринимателям, а также на граждан иных национальностей, которые якобы занимали неподобающее им место в румынской экономике и обществе⁵⁴.

Поскольку считалось, что миссия «национального государства» состояла в поддержке и продвижении интересов численно доминирующей этнической группы, то меньшинства неизбежно воспринимались как «проблема». Более того, развитие должно быть направлено *против* них. По этому вопросу также существовал консенсус, хотя *мера*, в которой интересы «хозяев» и «гостей» были совместимы или исключали друга, являлась предметом серьезных разногласий.

Перед Первой мировой войной большинство румын в королевстве и за его пределами были земледельцами и скотоводами. Немногочисленный правящий класс Старого королевства состоял из интеллигенции (по отношению к ним румыны применяли термин «интеллектуалы»), духовенства, чиновничества и военных, в большинстве своем также этнических румын. При этом этнические румыны были очень слабо представлены в промышленности, ремеслах и коммерции. Румынские предприниматели обычно были евреями, греками или представителями других – по выражению Юрия Слэзкина – «меркурианских» меньшинств, чей традиционный образ жизни лучше подготовил их для достижения успеха в бурно развивающейся капиталистической экономике⁵⁵. Политика ведущей в Румынии в предшествовавшие Первой мировой войне годы Либеральной партии, получившая название «мы сами», была призвана противодействовать ситуации, которая воспринималась как ненормальная, путем согласованной государственной поддержки «национальных» предпринимателей, т. е. этнических румын. Национал-либералы, фактически та же подновленная Либеральная партия, продолжили эту политику в 1920-х гг., когда они обладали едва ли не монополией на власть⁵⁶.

⁵² Iuliu Maniu, *Problema minorităților. Conferința ținută la fundația universitară Carol I în ziua de 11 maiu 1924* (f. 1.: Cultura națională, f.d.), pp. 1–2. Текст Мануилэ неточен, но он верно ухватил сущность определения Маниу. См.: ANI, Fond Sabin Manuilă, XII/77bis, ff. 2–3.

⁵³ Мануилэ обобщил рассуждения Мехединц так, как показано в *Politica de vorbe și omul politic* (București: Tipografia „Convorbiri literare”, 1920), pp. 162–177. Подробнее о Мехединц и его всё более ксенофобских и националистических взглядах см.: Livezeanu. *Cultural Politics in Greater Romania*, pp. 192, 204–205.

⁵⁴ I. G. Duc, „Doctrina Liberală”, Petre Dan, ed. *Doctrinile partidelor politice*, pp. 145, 147. Дука был премьер-министром с 14 ноября по 30 декабря 1933 г., когда Железная гвардия совершила на него покушение.

⁵⁵ См.: Yuri Slezkine. *The Jewish Century* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004), pp. 4–39.

⁵⁶ Доктрина «мы сами» была разработана во второй половине XIX в. Ионом И. К. Брэтиану (1821–1891), основателем Либеральной партии и отцом Иона (Ионела) И. К. Брэтиану (1864–1927), Винтилэ Брэтиану (1867–1930) и Константином И. К. Брэтиану (1866–1951), которые руководили партией в 1909–1927, 1927–1930 и в 1933–1947 гг. соответственно, иными словами, до запрета партии коммунистическими властями. Доктрина с самого начала была направлена против проникновения иностранного капитала и доминирования в экономике страны румынских граждан иной национальности. См. Apostol Stan,

С присоединением новых провинций по итогам Первой мировой войны румыны столкнулись с ситуацией, в которой их ощущение отставания в более современных и значимых занятиях лишь усилилось. Города и местечки новых провинций населяли по большей части доминировавшие в прошлом национальности, такие как русские в Бессарабии, немцы в Буковине и венгры в Трансильвании, а также евреи, говорившие либо на идише, либо на языке культуры, преобладавшей в данной местности. Так, согласно переписи 1930 г., в Кишинёве, столице Бессарабии, румыны представляли 42,4 % всего населения, евреи – 35,7 % и русские – 17,1 %. Следует отметить, что границы румынских городов в межвоенный период проводились таким образом, чтобы путем включения в эти административные единицы пригородных сел с этнически румынским населением разбавить нерумынское большинство. В самом Кишинёве процент евреев и русских был еще выше, на что указывает сравнение с переписью 1897 г.: евреи составляли 45,9 % населения, русские – 27 %, а румыны – всего лишь 17 %⁵⁷. В 1930 г. в Черновцах, столице Буковины, румыны представляли 27 % населения, евреи – 37,9 %, и немцы – 14,6 %; когда в 1910 г. австрийские переписчики регистрировали языковую (*Umgangssprache*), а не этническую принадлежность, 48,4 % населения города выбрали немецкий язык, 17,9 % – «рутенский» (т. е. украинский), 17,4 % – польский и лишь 15,7 % – румынский. В главном городе Трансильвании, Клуже, в 1930 г. румыны составляли 34,6 %, венгры – 47,3 %, евреи – 13 %, в то время как в 1910 г. соотношение было таким: 12,4, 71,7 и 11,6 % соответственно⁵⁸.

С точки зрения румынских националистов, это была мрачная статистика, но возможно, румыны чувствовали, что на практике ситуация была еще хуже. Как убедительно утверждает Ирина Ливезяну, «города и местечки новых провинций Румынии <...> вообще не проявляли видимых черт румынского характера». В Черновцах, например, «университет, театр, большинство лицеев и ежедневные издания были немецкими, а присутствие румын <.> за пределами собственно румынской общины не ощущалось»⁵⁹.

Румынские политики и интеллектуалы предпочитали объяснять эту ситуацию целенаправленными действиями предыдущих имперских режимов, которые якобы преднамеренно денационализировали румын, чтобы обеспечить себе контроль над румынскими территориями. Так, например, в своем исследовании 1930 г. о национальных меньшинствах Мануилэ, с одобрением процитировав С. Мехединць, который утверждал, что «Румыния – это самая гетерогенная с этнографической точки зрения страна в Европе» и что она – «единственная на Земле страна, чьи города по большей части находятся в руках чужеземцев», прибавил, цитируя Ю. Маниу, что города в Трансильвании «были созданы искусственно как центры мадьяризации» и что «румынское государство должно восстановить то, что разрушили венгры, но не путем разрушения существующих ценностей, а путем создания новых». «Вот и идея на будущее!» – заключил румынский демограф⁶⁰.

Ion C. Brătianu. *Un promotor al liberalismului în România* (București: Globus, 1993), pp. 374–394. О применении доктрины в межвоенной Румынии см.: Henry L. Roberts. *Romania: Political Problems of an Agrarian State* (New Haven, CT: Yale University Press, 1951), pp. 94–129, 187–205.

⁵⁷ См.: Sabin Manuilă, *Studiu etnografic asupra populației României* (București: Editura Institutului Central de Statistică, 1940), p. 50; Тройницкий Н.А., ред., *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года*, т. III (Санкт-Петербург: Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905), сс. 226–227. В отличие от румын в 1930 г., российские переписчики регистрировали не национальность, а язык. В межвоенной Румынии с юридической точки зрения не было провинций, как не было и провинциальных столиц, но румыны продолжали широко употреблять понятия, унаследованные со времен Первой мировой войны.

⁵⁸ Manuilă, *Studiu etnografic*, p. 51; Manuilă, „Evoluția demografică a orașelor și minorităților etnice din Transilvania”, *Arhiva pentru știința și reforma socială*, 8 (1929), p. 133. Данные австрийской переписи 1910 г. по Черновцам см.: Hausleitner, *Die Rumänisierung in der Bukowina*, pp. 39–40. Ливезяну на основе различных австрийских источников пришла к тем же выводам – 15 % румын. См.: Livezeanu, *Cultural Politics in Greater Romania*, p. 17.

⁵⁹ Livezeanu, *Cultural Politics in Greater Romania*, p. 17.

⁶⁰ ANI, Fond Sabin Manuilă, XII/77bis, ff. 3–4. Румынский термин «чужак» (*străin*) использовался как в отношении иностранцев, так и в отношении румынских граждан нерумынского происхождения. Такое обращение было вообще присуще всей Юго-Восточной Европе того времени. См. Barbara Jelavich, *History of the Balkans: Twentieth Century*, vol. II (Cambridge:

В этом вопросе Мануилэ был в полном согласии с большинством своих современников из среды румынских интеллектуалов и политиков, среди которых было распространено мнение, что после объединения румынских территорий новый «национальный идеал» включал модернизацию страны, сопоставимую с тем, что происходило как у соседей, так и на Западе, и в то же время – устранение «дыры в середине», т. е. недостаточной представленности этнических румын в большинстве престижных экономических и социальных сфер. Эти политики и интеллектуалы были склонны воспринимать такую ситуацию как нечто невыносимо постыдное, поскольку она наводила на мысль, что румыны были неспособны стать по-настоящему «современными»⁶¹.

Румынские политики сознавали, какая напряженность может возникнуть в связи с реализацией планов руководимого государством развития в сочетании с мерами по устранению из престижных областей занятости национальных меньшинств, которые зачастую обладали навыками, лишь изредка встречавшимися среди этнических румын. Но в 1920-х – начале 1930-х гг. абсолютному большинству румынских элит хотелось верить, что указанные цели были совместимы. С этой точки зрения Румыния была похожа на другие страны Восточной и Юго-Восточной Европы, которые благодаря их союзу с Францией и Великобританией вышли победителями в Первой мировой войне: победа узаконила демократию, и элиты выразили ей свою поддержку, пусть даже их политическая повестка дня была отмечена изрядной дозой этнического национализма⁶². Приверженность демократии, пусть даже и показная, означала, что явно нарушать права меньшинств было нельзя. Государство должно было действовать осторожно, чтобы и статус доминирующей нации повысить, и соблюдение прав меньшинств подтвердить. Чтобы показать, каким образом наиболее либеральные и дальновидные румынские элиты представляли себе решение этой дилеммы, полезно обратиться к личности и высказываниям одного из самых видных их представителей, Юлиу Маниу.

Cambridge University Press, 1983), pp. 135136.

⁶¹ Выражение Терри Мартина (Terry Martin) «дыра в середине» относится к положению восточных советских республик. Эта формула указывает на то, что советская политика создала прослойку партийных аппаратчиков из представителей местного «коренного населения», но ей не удалось «создать корпус высших технических и интеллектуальных функционеров, который бы позволил установить... полный контроль коренных над восточными республиками» (Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001), p. 179). Здесь я следую интерпретации Лии Гринфельд (Liah Greenfeld), рассматривающей национализм как зависть (ressentiment). См.: Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992).

⁶² О межвоенном восточноевропейском национализме см. особенно Brubaker, *Nationalism Reframed*, ch. 4, pp. 79-106.

Фото 1.1. Юлию Маниу.

Фотография любезно предоставлена Национальным архивом Румынии

Фигура Маниу возвышалась над румынской политической сценой большую часть межвоенного периода, а также во время Второй мировой войны, когда он был самым влиятельным лидером прозападной оппозиции. Маниу был одним из лидеров НЦП с момента ее создания в 1926 до 1933 г. и с 1937 вплоть до 1946 г., когда это формирование вместе с остальными оппозиционными партиями было ликвидировано коммунистическими властями, а их лидеры, включая Маниу, арестованы и брошены в тюрьму, где он и скончался 5 февраля 1953 г. Маниу был премьер-министром Румынии с ноября 1928 по октябрь 1930 г. и с октября 1932 по январь 1933 г.

Маниу родился в 1873 г. в Трансильвании в семье румынских дворян, имевшей славу борцов за права румынских крестьян против венгерского гнета. Он с детства воспитывался в духе румынского национализма и в юности поклялся посвятить себя своему народу⁶³. Он изучал право в университетах Клужа (венгерское название Коложвар), Будапешта и Вены. В 1906 г. он был избран по списку Национальной румынской партии в венгерский парламент, где вскоре зарекомендовал себя как твердого, осторожного и находчивого политика. К исходу Первой мировой войны Юлиу Маниу стал фактическим лидером своей партии и румынской общины Трансильвании. В Первую мировую войну он был мобилизован в австро-венгерскую армию и воевал на Итальянском фронте, но решительно отверг требования венгерских властей подписать декларацию, осуждающую участие Румынии в войне против Австро-Венгрии. Маниу вернулся в Трансильванию в последние недели войны, когда империя уже испускала последний вздох, и в ноябре 1918 г. организовал фактический захват власти в Трансильвании отрядами румынской «национальной гвардии», действовавшими под защитой войск Старого королевства. Он сыграл ведущую роль в организации стотысячной демонстрации трансильванских румын, на которой 1 декабря 1918 г. в городе Алба-Юлия было провозглашено объединение Трансильвании, Баната и восточной Венгрии с Румынией. Со 2 декабря 1918 по 2 апреля 1920 г. он возглавлял в Трансильвании администрацию переходного периода, которая обеспечила окончательное присоединение провинции к Старому королевству⁶⁴.

Таким образом, Маниу был пламенным националистом, но также и демократом, и его преданность демократии была столь же сильна, как и преданность национализму. Однажды в нашумевшем публичном выступлении он даже назвал себя «настоящим фанатиком демократии, <...> фанатичным противником любой диктатуры, под какой бы формой она ни являла себя»⁶⁵. Для Маниу это были не просто слова: он их произнес в мае 1938 г., когда в Румынии была установлена диктатура короля Кароля II. К тому времени Маниу на протяжении нескольких лет оказывал решительное сопротивление авторитарным тенденциям Кароля. После падения королевской диктатуры он неуклонно противостоял диктатуре Иона Антонеску во время войны, а когда в августе 1944 г. Антонеску был устранен в результате государственного переворота и вскоре к власти пришли коммунисты, Маниу мужественно, до конца своей жизни, боролся против их режима.

Приверженность Маниу демократии была тесно связана с его решимостью гарантировать румынским гражданам иных, чем румыны, этнических групп все национальные права, которые он считал неотъемлемыми для их человеческого и национального достоинства. Он посвятил себя «гарантированию свободы для всех и развития всех совместно проживающих народов», включая право каждой нации «обучаться на своем языке, молиться Богу на своем языке и защищать свои права на своем языке». Эти принципы были утверждены в декларации об объединении Трансильвании с Румынским королевством, принятой 1 декабря 1918 г. в Алба-Юлии⁶⁶. Весь межвоенный период они были составной частью платформы НЦП⁶⁷.

Свои взгляды на «проблему меньшинств» Маниу наиболее детально изложил в лекции, прочитанной им в мае 1924 г., которая была опубликована отдельной брошюрой. Отметив, что с созданием национального румынского государства национальный идеал еще не достигнут, он

⁶³ См.: Matei Boilă, „Mărturii privind atitudinea lui Iuliu Maniu în anii 1943–1946”, Ni-culae Paraschiv și Gabriel Țepelea, eds. *Iuliu Maniu în fața istoriei* (București: Gândirea Românească, 1993), pp. 86–87.

⁶⁴ О первых годах румынской администрации в Трансильвании см.: Livezeanu, *Cultural Politics in Greater Romania*, pp. 132–135.

⁶⁵ Paraschiv, Țepelea, eds. *Iuliu Maniu în fața istoriei*, p. 277.

⁶⁶ Victor Isac, ed. *Iuliu Maniu. Testament moral politic* (București: Gândirea Românească, 1991), pp. 2–3.

⁶⁷ Декларацию в Алба-Юлии см. в: Scurtu et al., ed. *Documente privind istoria României*, doc. 5, pp. 10–11. В октябре 1944 г. партия в своем программном манифесте сослалась на декларацию 1918 г. в Алба-Юлии как на всё еще определяющую ее политику в отношении национальных меньшинств. См.: Vasile Arimia, Ion Ardeleanu și Alexandru Cebuc, eds. *Istoria Partidului Național-Tărănesc. Documente, 1926–1947* (București: Arc, 2000), p. 242.

заявил, что «следующей целью» румынской нации должно стать развитие, а также завоевание уважения своих соседей и всего «цивилизованного мира». Для этого страна должна была стать демократией, гарантирующей уважение к праву и соблюдение прав человека, включая права меньшинств. Среди последних он упомянул право получать начальное образование на родном языке в публичных школах и право создавать свои собственные образовательные, культурные и религиозные учреждения. Государство должно было прилагать усилия, чтобы в местах, где меньшинства преобладали численно, на различные местные и региональные административные и судебные должности назначались представители меньшинств⁶⁸. По стандартам межвоенной Европы эта программа была действительно весьма великодушной.

И в то же время Маниу считал, что румынская нация обладала «особыми правами» на территории Румынии, поскольку она здесь «сформировалась», и следовательно, сама ее идентичность и ее психология были неразрывно связаны с этой землей. Меньшинства же представлялись ему «островками» иных народов, разбросанными в «великом автохтонном национальном теле»; эти поселенцы имели свои «родины» в другом месте, и их присутствие на национальной территории румын было результатом «инфильтрации»⁶⁹. Хотя пренебрегать правами меньшинств не следовало, государство было ответственно главным образом перед румынской нацией, и его главной задачей было возмещение ущерба, причиненного враждебными силами, которые правили румынами на протяжении веков. А именно, городам необходимо было придать «истинно» румынский характер, их следовало заселить этническими румынами, которых нужно было продвигать в экономике и сфере свободных профессий, где они были слабо представлены. Иначе говоря, «социальная структура румынского народа при отсутствии средней социальной прослойки и национальное производство при отсутствии класса производителей, промышленников и коммерсантов были больны и ущербны»⁷⁰. Маниу считал, что эта цель была вполне совместима с демократической системой и ценностями. Такие действия не должны были «никого задеть», поскольку они сводились к тому, чтобы помочь этническим румынам, пользуясь для этого «покровительством [своего] государства и публичными фондами», достичь такого же уровня развития, которого добились для себя народы других рас, языков и религий⁷¹.

Стремление Маниу уравновесить национализм и демократию было сильным и искренним, но было бы преувеличением сказать, что его публичные действия и высказывания всегда и полностью соответствовали ему. Так, после того как его партия получила на парламентских выборах в декабре 1928 г. 77,8 % голосов избирателей, среди которых было много голосов меньшинств, политика руководимого им кабинета вскоре многих разочаровала. Хотя в период правления НЦП с ноября 1928 по октябрь 1930 г. положение меньшинств в какой-то мере улучшилось, обещанный закон о меньшинствах не был принят, как не был пересмотрен и закон 1925 г. о публичных школах, серьезно ограничивавший право меньшинств добиваться открытия таких школ в местах их компактного проживания⁷². Однако, когда в 1935 г. его старый друг и близкий соратник Александру Вайда-Воевод выступил с идеей законодательно ограничить долю меньшинств в национальной экономике и свободных профессиях, вплоть до того, чтобы прибегнуть для этого к авторитарным мерам, Маниу отверг эти предложения и добился того, что Вайда-Воевод был исключен из партии⁷³.

⁶⁸ Maniu, *Problema minorităților*, pp. 14–21.

⁶⁹ Ibid., pp. 2–4.

⁷⁰ Ibid., p. 13.

⁷¹ Ibid., pp. 12–13.

⁷² См.: Hausleitner, *Die Rumänisierung in der Bukowina*, pp. 225–226; Аркадий Жуковский, *История Буковины*, ч. II (Черновцы, Редакционно-издательский видил облполиграфиздаву, 1991–1993), с. 120.

⁷³ О разногласиях между Маниу и Вайдой-Воеводом см.: Stan, *IuliuManiu. Naționalism și democrație*, pp. 251, 266–267; Grigore Gafencu, *Însemnări politice, 1929–1939*, ed. Stelian Neagoe (București: Humanitas, 1991), pp. 328–329; Vasile Marin,

Возможно, самым большим провалом в политической карьере Маниу стало заключение в 1937 г. предвыборного пакта «о ненападении» с Корнелиу Зеля Кодряну (Corneliu Zelea-Codreanu), лидером самой сильной и самой агрессивной фашистской и антисемитской партии в Румынии, официально называвшейся в тот момент партией «Всё для Страны!», но более известной как Железная гвардия, или легионеры. Этот пакт был призван предотвратить массовую фальсификацию результатов парламентских выборов в декабре того же года со стороны правительства, которому противостояли как НЦП, так и Железная гвардия. Таким образом, цели пакта были ограниченными. Маниу, однако, публично оправдывая свое соглашение с Кодряну, сделал несколько заявлений, в которых выразил свою симпатию к этому якобы высококоморальному человеку. Он также утверждал, что у него с Кодряну было «идентичное» понимание «национальной идеи», и выразил надежду, что Кодряну в конце концов поймет невозможность проведения антисемитской политики в Румынии⁷⁴. Несмотря на то что одновременно с этим он вновь подтвердил свою приверженность демократии и неприятие насилия, антисемитизма и «любого рода преследований», как и преимущественную ориентацию на западные демократии (официальная политическая позиция партии Кодряну состояла в поддержке фашистской Италии и нацистской Германии), эти заявления вызвали недоумение в рядах сторонников Маниу. Они до сих пор вызывают споры⁷⁵.

Как нам показывает пример Маниу, румынский этнический национализм межвоенного периода при всем ксенофобском и антидемократическом потенциале, который был в нем заложен, на практике умерялся преданностью некоторых членов румынской элиты парламентской демократии и принципам правового государства. Хотя бесполезно задаваться вопросом, как сложилась бы судьба Румынии в период Второй мировой войны, если бы у ее кормила находились Маниу и подобные ему умеренные националисты, нет сомнения, что румынское правительство не запятнало бы себя в таком случае многими позорными действиями, изучению которых посвящена настоящая книга. Однако случилось так, что в тот период во главе страны оказались люди более правых взглядов, национализм которых носил совершенно другой характер.

1.3. Радикализация румынских правых в 1930-х годах: программа этнократического государства

Специалисты, изучающие правые движения межвоенного периода, на протяжении многих десятилетий сосредотачивали свое внимание на политике и идеологии двух главных партий фашистского толка – Национал-христианской партии А. К. Кузы («кузисты») и Железной гвардии Корнелиу Зеля Кодряну⁷⁶. Такое внимание вполне объяснимо, поскольку это были массовые партии, которые в конце 1930-х гг. пользовались значительной поддержкой электората и которые, хотя и весьма ограниченный период времени, находились у власти. В декабре 1937 г. кузисты сформировали правительство и оставались у власти до февраля 1938 г. Железная гвардия делила власть с румынским диктатором Ионом Антонеску с сентября 1940 по январь 1941 г. Железная гвардия в большей мере, чем НХП, обладала атрибутами аутентичного социального движения, пользуясь массовой поддержкой в стране и опираясь на большую группу

„Democrația, dușmanul naționalismului”, Marin, *Crez de generație* (București: Tipografia „Bucovina” I.E. Torouțiu, 1937), pp. 35–37.

⁷⁴ Текст пакта см.: Ioan Scurtu, ed. *Ideologie și formațiunile de dreapta în România 7 iulie 1934 – 30 martie 1938* (București: Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2003), vol. IV, pp. 356–357.

⁷⁵ См.: Paraschiv, Țepelea, eds. *Iuliu Maniu în fața istoriei*, pp. 277–279; Rebecca Ann Haynes, „Reluctant Allies? Iuliu Maniu and Corneliu Zelea Codreanu against King Carol II of Romania”, *Slavonic and East European Review*, 85, nr. 1 (2007), pp. 104–134.

⁷⁶ Многие десятилетия специалисты ведут спор о том, что такое фашистские или фашистского типа партии и движения. Из недавних и самых полезных см.: Robert O. Paxton, *The Anatomy of Fascism* (New York: Alfred A. Knopf, 2004), pp. 206–220; Michael Mann, *Fascists* (Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004), особенно pp. 353–376.

преданных активистов. Железная гвардия также была более умелой и в своей дискурсивной практике: А. К. Куза был примитивным антисемитом и мегаломаном, считавшим, что ему удалось превратить антисемитизм – в сущности, обывательский предрассудок – ни много ни мало в «науку» антисемитизма (А. К. Куза был профессором политической экономии Ясского университета), тогда как его бывший студент Кодряну, начавший свою политическую карьеру в кузистской партии, но позднее разошедшийся с ней, умело совмещал антисемитскую пропаганду с разоблачениями политической коррупции и призывами к моральному возрождению Румынии⁷⁷. Его искренняя религиозность и ловкое манипулирование традиционными образами святости и мученичества принесли Кодряну поддержку и фанатичную преданность многих молодых румын и некоторых из самых блистательных интеллектуалов страны⁷⁸.

Однако сосредоточенность на этих двух партиях, их лидерах и сторонниках-интеллектуалах подчас приводит к тому, что другие правозэкстремистские интеллектуалы, сыгравшие важную роль в румынской политической истории, остаются за кадром. В отличие от своих конкурентов на правом фланге, в особенности сторонников Кодряну и Железной гвардии, эти теоретики и публицисты крайне правого национализма были близки к королю Румынии Каролю II. Некоторые их публикации получили широкую известность как в Румынии, так и за ее пределами, и оказали серьезное влияние на правительственную политику в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Важной особенностью их взглядов было то, что в качестве смертельных врагов они рассматривали не только евреев, но все меньшинства Румынии и требовали принятия решительных мер против них⁷⁹. С кузистами и легионерами их объединяла враждебность к демократии и симпатия к авторитарным формам правления.

Большинство лиц, чьи взгляды будут проанализированы на следующих страницах, резко сдвинулись вправо в 1930-е гг.; десятилетием ранее они тяготели к политическому центру и к одной из так называемых «исторических» партий – НЛП или НЦП, которые заявляли о своей преданности демократической конституции 1923 г. Их переход вправо можно рассматривать как частный случай той общей радикализации, которая была характерна для межвоенной

⁷⁷ Литература о партии Кодряну значительная и среди многих изданий следует отметить Eugen Weber, „Romania”, *The European Right: A Historical Profile*, ed. Hans Rogger și Eugen Weber (Londra: Weidenfeld & Nicholson, 1965), pp. 501–574; Nicholas M. Nagy-Talavera, *The Green Shirts and the Others: A History of Fascism in Hungary and Rumania* (Stanford, CA: Hoover Institution Press and 318 NOTE Stanford University, 1970), pp. 246–344; Radu Ioanid, *The Sword of the Archangel: Fascist Ideology in Romania*, trad. de Peter Heinegg (Boulder, CO: East European Monographs, 1990); Francisco Veiga, *La mística del ultranacionalismo: historia de la Guardia de Hierro, Rumania, 1919–1941* (Bellaterra: Publicaciones de la Universidad Autònoma de Barcelona, 1989) [trad. în limba română: Francisco Veiga, *Istoria Gărzii de Fier, 1919–1941. Mística ultranaționalismului* (București: Humanitas, 1995)]; Armin Heinen, *Die Legion „Erzengel Michael” in Rumänien: soziale Bewegung und politische Organisation: ein Beitrag zum Problem des internationalen Faschismus* (München: Oldenbourg, 1986) [trad. în limba română: Armin Heinen, *Legiunea „Arhanghelul Mihail” – mișcare socială și organizație politică. O contribuție la problema fascismului internațional* (București: Humanitas, 1999)]; Constantin Iordăchi, *Charisma, Politics and Violence: The Legion of the „Archangel Michael” in Inter-War Romania, Trodheim Studies on East European Cultures and Societies* (f. I.: f. e., 2004). О кузистах см.: Paul Shapiro, „Prelude to Dictatorship in Romania: National Christian Party in Power, December 1937 – February 1938”, *Canadian-American Slavic Studies*, 8, nr. 1 (primăvara 1974), pp. 45–88.

⁷⁸ О сторонниках Железной гвардии в среде правых интеллектуалов, ставших впоследствии международными знаменитостями, как будущий профессор Чикагского университета, историк религий Мирча Элиаде или послевоенный французский писатель и этик Эмиль Чоран, см.: Volovici, *Nationalist Ideology and Antisemitism*. О Мирче Элиаде см. также: McLinscott Ricketts, *The Romanian Years* (New York: Columbia University Press, 1998); об Эмиле Чоране см. Marta Petreu, *An Infamous Past: E.M. Cioran and the Rise of Fascism in Romania*, trad. de Bogdan Aldea (Chicago: Ivan R. Dee, 2005) [ed. rom.: *Cioran sau un trecut deocheat* (ed. a III-a revăzută și adăugită), Iași: Polirom, 2011].

⁷⁹ Атаки Кодряну без разбору на всех «чужаков» (или даже в целом на «чужесты») могут быть найдены в: Corneliu Zelea Codreanu, *Pentru legionari*, vol. I, (Sibiu: Totul pentru Țară, 1936), pp. 78, 92–93, 312, 383, и в Codreanu, *Circulări și manifeste* ([Madrid]: f. p., 1951), pp. 6, 9. В обеих книгах практически каждая страница пропитана ненавистью к «евреям». Риторика легионеров, похоже, была направлена против того этнически «другого», который был самым видимым и самым нежелательным элементом в определенном регионе. Например, в Добрудже целью их атак в большинстве случаев были этнические болгары. См. Puiu Dumitru Bordeiu, *Mișcarea Legionară în Dobrogea între 1933–1941* (Constanța: Ex Ponto, 2003), p. 100. Мирча Элиаде, возможно, самый блистательный румынский интеллектуал правых взглядов межвоенного периода и пламенный сторонник Железной гвардии в середине 1930-х гг., поддержал введение самых суровых мер против всех меньшинств в Румынии в своей знаменитой статье «Слепые пилоты», опубликованной в сентябре 1937 г... См. Scurtu, ed. *Ideologie și formațiuni de dreapta*, vol. IV, pp. 342346.

Европы в период экономических и социальных потрясений, вызванных Великой депрессией, когда поддержка демократии повсеместно ослабела и многие консерваторы переориентировались на более тесное сотрудничество с партиями фашистского толка⁸⁰. В Румынии существовал еще один мотив для поправления части элит: это была личность и политика монарха страны, короля Кароля II, с которым у этих персонажей были разнообразные связи. Многие аспекты их политической эволюции невозможно понять, не обратив более пристальное внимание на этого правителя.

Кароль II (1893–1953) был третьим королем из династии Гогенцоллерн-Зигмарингенов, которая правила Румынией с 1866 г. Один из биографов назвал его «самым коррумпированным венценосцем Европы в XX веке». При жизни международная пресса прозвала его «королем-плейбоем»⁸¹. Скандалами всякого рода, особенно сексуальными и финансовыми, была отмечена вся его жизнь.

Наследник престола по праву рождения, Кароль в декабре 1925 г., находясь в путешествии по Европе, в письме, адресованном своему отцу, королю Фердинанду I, отказался от своих прав на трон, мотивировав свой отказ решением сожительства со своей избранницей Еленой Лупеску, происходившей из еврейской семьи римско-католического вероисповедания. Ранее Елена Лупеску была в браке с офицером румынской армии, с которым развелась в 1920 г. До встречи с Каролем в 1925 г. она жила на периферии бухарестского полусвета и слыла женщиной, не отличавшейся излишней разборчивостью⁸². Кароль был женат на греческой принцессе Елене, с которой он, однако, прервал отношения вскоре после венчания. Связь наследного принца с Еленой Лупеску была скандальной и вызвала разрыв его отношений с румынским политическим истеблишментом, который в то время состоял в основном из руководителей и сторонников Национал-либеральной партии. Вследствие своего письма с отречением законом от 4 января 1926 г. Кароль был лишен наследственных прав. Его сын Михай от брака с принцессой Еленой Греческой был провозглашен наследником престола. Было учреждено регентство, а Каролю было воспрещено возвращение в страну. Казалось, Кароль покинул авансцену истории навсегда. Однако вскоре ситуация в Румынии кардинально изменилась, и его акции возросли в цене⁸³.

В июле 1927 г. скончался король Фердинанд I, и Михай стал королем. Регентский совет контролировали национал-либералы. Эта политическая система могла бы функционировать и дальше, если бы в ноябре того же года внезапно не умер авторитетный лидер Национал-либеральной партии Ион И.К. Брэтиану. Экономическая ситуация в 1930 г. резко ухудшилась, а Регентский совет, который контролировала Национал-либеральная партия, был исключительно непопулярен. Многие румыны считали отрекшегося принца жертвой политических интриг национал-либералов. Кароль понял, что у него есть шанс. НЦП, находившаяся у власти с ноября 1928 г., поддалась влиянию общественного мнения, и сам Маниу дал Каролю себя обмануть расплывчатыми обещаниями, согласно которым по возвращении в Румынию он должен был отказаться от Елены Лупеску и возобновить брачные отношения с принцессой Еленой⁸⁴.

7 июня 1930 г. самолет Кароля внезапно приземлился в Клуже, где он был встречен ликующей толпой. На следующий день парламент 495 голосами «за» при 1 «против» отменил закон

⁸⁰ См.: Mark Mazower, *Dark Continent: Europe's Twentieth Century* (New York: A. A. Knopf, 1999), pp. 12–31; Martin Blinkhorn, ed. *Fascists and Conservatives: The Radical Right and the Establishment in Twentieth-Century Europe* (Londra: Unwin Hyman, 1990).

⁸¹ О Кароле II как о самом коррумпированном монархе Европы см: Nagy-Talavera, *The Green Shirts and the Others*, p. 275. О Кароле как о короле-плейбое см.: Paul D. Quinlan, *The Playboy King* (Westport, CT: Greenwood Press, 1995). Большинство используемых в данной работе биографических данных о Кароле почерпнуты из последней из указанных книг.

⁸² Quinlan, *The Playboy King*, pp. 65–67.

⁸³ Ibid., pp. 74–80.

⁸⁴ Ibid., pp. 97–98.

от 4 января 1926 г. Кароль был возведен на престол, а Михай низведен в положение наследника. В середине августа Елена Лупеску вернулась в Румынию и с комфортом расположилась в королевском дворце. Маниу ушел в отставку, а отношения Кароля с обеими политическими партиями непоправимо ухудшились. Его правление началось со скандала и проходило от одного политического кризиса к другому вплоть до 6 сентября 1940 г., когда он был вынужден повторно отречься и навсегда покинул страну⁸⁵. В течение этого десятилетия политическое влияние Кароля было решающим.

У Кароля были лишь весьма расплывчатые представления о том, что он будет делать после своего восшествия на престол, но он не был полностью лишен политических убеждений. Кароль явно не был приверженцем демократии и не испытывал особого уважения к конституции и вообще к законам. Столь же невысоким было его мнение о румынских политиках и политических партиях⁸⁶. Идеалом для него была королевская диктатура бонапартистско-плебисцитарного толка, в которой ему отводилась главная роль. Кароль иногда с восторгом отзывался о Муссолини, Гитлере и португальском диктаторе Антонио де Оливейра Салазаре. Ему импонировали в них не столько «революционный» характер их режимов, сколько авторитарный стиль правления в сочетании с риторикой «обновления», которая соответствовала его представлению о самом себе⁸⁷. И всё же власть привлекала его не только сама по себе и не только как источник личного обогащения. Он мечтал об успешной модернизации страны и о месте в истории в качестве одного из великих монархов Румынии.

В современной Румынии Кароля не любят. Ни один опрос общественного мнения не зафиксировал включение его имени в список «великих румын», и когда в 2003 г. его останки были перевезены из Португалии, где он скончался и был погребен, их захоронили не *внутри* Кафедрального собора монастыря Куртя де Арджеш, где покоятся и другие румынские монархи, а *во дворе*. Поэтому вызывает удивление тот факт, что некоторые его современники, даже после его падения и на фоне враждебности публики к его памяти, давали осторожно-положительные оценки его способностей и намерений. Например, выдающийся социолог Генри Г. Шталь заявил в интервью историку Золтану Рошташу в 1980 г., что король Кароль считал себя «Брынковяну румынской культуры» – Шталь имел в виду выдающегося валашского господаря XVIII в., положившего начало блестящему периоду культурного возрождения. Шталь подчеркнул, что поддержка короля была незаменимой для многих важных культурных достижений, таких как создание Музея румынского села, для которого изо всех уголков страны привезли в Бухарест образцы традиционных деревянных строений. Через носивший его имя фонд Кароль щедро финансировал издание ряда периодических изданий и публикаций по проблемам истории и культуры. «Жаль, – заключил Шталь, – что у этого способного и полного разнообразных достоинств человека были, наряду с ними, большие недостатки»⁸⁸.

Один из распространенных мифов о Кароле, бытующий со времен его правления, происходит из окружения Ю. Маниу. Согласно этому мифу, с самого начала своего царствования Кароль последовательно прилагал усилия для свержения демократии и установления королевской диктатуры, и этой цели он в конечном итоге достиг в феврале 1938 г.⁸⁹ В действительности, однако, политика Кароля в 1930–1938 гг. ни в коем случае не была последовательной. Действительно, Кароль сотрудничал с румынскими политическими партиями и политиками

⁸⁵ Ibid., pp. 98–114.

⁸⁶ Quinlan, *The Playboy King*, p. 116.

⁸⁷ См.: Heinen, *Die Legion „Erzengel Michael“ in Rumänien*, pp. 240–241; о Салазаре см.: Constantin Argetoianu, *Însemnări zilnice*, ed. Stelian Neagoe (București: Machiavelli, 1998–2003), vol. 3, p. 143.

⁸⁸ Zoltán Rostás, *O istorie orală a școlii sociologice de la București* (București: Printech, 2001), pp. 73–75.

⁸⁹ См., например, заявление Юлиу Маниу перед группой журналистов, в конце 1938 – начале 1939 г., в котором он утверждал, что король с момента своей реставрации систематически преследовал цель разрушения демократического режима. Paraschiv și Tepelea, eds., *Iuliu Maniu în fața istoriei*, p. 362.

исключительно на своих условиях, которые предполагали прежде всего защиту его многочисленных финансовых интересов. Злоупотребляя конституционной прерогативой назначения премьер-министров и членов правительства, Кароль неизменно выбирал наиболее податливого к его давлению и манипуляциям кандидата. Одновременно он стремился ослабить, изолировать и по возможности лишить влияния те политические группы, которые, как Маниу и идущая за ним НЦП, сопротивлялись его злоупотреблениям. В этом отношении Кароль порвал с традицией, заложенной двумя предыдущими румынскими монархами из той же династии, которые не вмешивались в персональные разборки в румынских элитах, занимая положение «над схваткой». Как красноречиво выразился один наблюдатель, «из порядочных людей Кароль II всегда выбирал самого гибкого; из остальных самого большого угодника»⁹⁰. «Угодник» (*lichea*) – самое частое уничижительное прозвище, звучавшее в адрес любимчиков Кароля. К этому прозвищу прибегали как те, кто завидовал получившим доступ к кормушке, так и те, кто испытывал подлинно моральное отвращение к коррумпированному режиму монарха.

Способ взаимодействия Кароля с румынскими политиками часто интерпретируется как сознательная стратегия раздробления политических партий, особенно крупных, как предварительный этап перед их полным устранением⁹¹. Принять такую интерпретацию – значит приписать Каролю долговременную стратегию и целеустремленность, на которые он не был способен⁹². Недавно опубликованные дневники Кароля вкупе с другими ставшими доступными источниками ясно свидетельствуют, что он был бы рад продолжать «сотрудничество» с румынскими партиями и после 1937 г. в том же духе, что и прежде, если бы это было возможным. Такая возможность исчезла вследствие стечения целого ряда весьма специфических обстоятельств. Когда Кароль убедился, что продолжение прежнего образа действий стало невозможным, он решил отменить конституцию 1923 г. и ввести открытую королевскую диктатуру. В истории правления Кароля примечательно не то, что он отменил демократию в начале 1938 г., – к этому времени практически все соседи Румынии, за единственным исключением Чехословакии, находились под управлением авторитарных режимов различного типа, – а то, что Кароль так долго воздерживался от разрушения демократического фасада вопреки своему глубокому презрению к политическим партиям и электоральной политике, а также низкому уровню поддержки демократии в румынском обществе. За объяснением далеко ходить не надо: Кароль не испытывал недостатка в «гибких» специалистах и некомпетентных «угодниках» среди румынской политической элиты. Поскольку главной его заботой было обеспечение свободы действий в области расхищения общественных средств, а других серьезных разногласий с традиционными политиками у него не возникало, Каролю легко удавалось получать всё, чего он желал, сохраняя видимость «демократии». Следует согласиться с утверждением одного из его бывших союзников, позднее ставшего его обличителем:

Каролю <...> невозможно дать правильную оценку, если одновременно с ним не оценить и румынское общество, которое попеременно хулило его и обольщало им, неоднократно преувеличивая его провалы и взваливая на него груз собственных грехов (выделено в оригинале. – В. С.)⁹³.

⁹⁰ Mihail Manoilescu, *Memorii* (București: Editura Enciclopedică, 1993), vol. 2, p. 266; Vezi și Stan, *Iuliu Maniu*, pp. 218–223.

⁹¹ На это нам указывает язык, используемый Кейтом Хитчинсом (Keith Hitchins) в своей книге, которая всё еще остается одной из самых читаемых по современной румынской истории. См. Hitchins, *Romania, 1866–1918*, pp. 378–379, 416.

⁹² Замечание Г. Гафенку, который в то время был видным членом партии Маниу, но в дальнейшем покинул его и примкнул к королевской диктатуре, чтобы занять в правительстве пост министра иностранных дел: «И если бы мы, по крайней мере, были бы перед лицом всемогущей воли решительного, энергичного и величественного тирана <...> Но нет! „Тираном” был колеблющийся, симпатичный молодой человек с благими намерениями. [Он] пользовался всеобщим угодничеством не для того, чтобы провести радикальные реформы или совершить великие деяния, а всего лишь для удовлетворения мелких капризов, которые подчас были даже не его, а его друзей» (Gafencu, *Însemnări politice 1929–1939*, p. 42).

⁹³ Mihail Manoilescu, *Memorii*, vol. 1, pp. 95–96.

По мнению одного из румынских историков, Кароль не был тираном, и его легко можно было бы «поставить на место», если бы румынские политики воспротивились его авторитарным поползновениям. Вместо этого «посредственность» и «пагубное политиканство» румынского политического класса фактически обеспечили ему политический триумф⁹⁴.

В то время как Кароль манипулировал румынскими политиками в своих личных интересах, некоторые из них пытались использовать его для продвижения собственных интересов и политических амбиций. По большей части это были политики и публицисты правого толка, которые симпатизировали его авторитарным наклонностям и надеялись, что смогут заинтересовать его своими идеями; многие из них были активными карлистами еще до возвращения принца в Румынию, поскольку надеялись, что, взойдя на трон, Кароль вознесет и их на самые вершины власти. Однако вскоре после своего воцарения Кароль разочаровал своих ранних сторонников, забыв их заслуги. Некоторые из них также считали, что король не проявляет достаточной решимости в борьбе против «режима партий», т. е. демократических норм. Это разочарование толкнуло некоторых из них вправо, вплоть до сближения с Железной гвардией, хотя окончательного разрыва с Каролем и его окружением они тщательно старались избежать. Тем временем они развивали и обнародовали свои собственные политические идеи, которые придали румынскому национализму новый, более радикальный эксклюзивистский характер.

Одним из наиболее видных представителей этой группы был Никифор Крайник (настоящая фамилия Добре, которой он сторонился как чересчур славянской). Родившись в крестьянской семье в 1889 г., он в детстве мечтал о карьере православного священника и получил соответствующее образование в Бухарестской семинарии. Однако вскоре после окончания семинарии его планы изменились, и он решил стать журналистом и поэтом. Крайник воевал в Первую мировую, а в 1920–1922 гг. изучал теологию и средневековый мистицизм в Вене, причем сам себя считал первым румыном, открывшим этот феномен⁹⁵. Вскоре после возвращения в Бухарест в 1922 г. Крайник стал популярным поэтом, правым журналистом и публицистом, издателем влиятельного ежемесячника по вопросам культуры националистического направления *Gândirea* («Мысль», 1922)⁹⁶, а затем работал редактором и других правых периодических изданий. Не был он лишен и политических амбиций. В 1927 г. при поддержке НЦП Крайник был избран в палату депутатов, но вскоре после этого покинул партию и превратился в видного «карлиста» – т. е. энергичного сторонника реставрации Кароля II. Однако в окружении Кароля он потерял влияние почти сразу же после реставрации последнего, что толкнуло его еще дальше вправо.

В начале 1930-х гг. он уже посредничал между кузистами и легионерами на предмет их возможного примирения и слияния, но его попытки закончились неудачей и он вызвал недоверие лидеров обеих партий. Потерпев это фиаско, Крайник взялся за осуществление другого проекта: консолидацию кузистов и их превращение в главную правую партию. Крайник сыграл ведущую роль в подготовке слияния кузистов с карликовой Национал-аграрной партией, руководимой трансильванским поэтом-националистом Октавианом Гога. Слияние двух партий произошло в июне 1935 г. Однако немедленно после объединительного съезда Куза и Гога исключили Крайника из новосозданной Национал-христианской партии (НХП) и отвергли написанную им программу. Очевидно, они ему не доверяли и побаивались его политических амбиций. Однако Крайник был непотопляем. Вопреки очередной неудаче он остался влиятельной фигурой румынской правой⁹⁷.

⁹⁴ Stan, *luliu Maniu*, p. 221; George I. Duca, *Cronica unui român în veacul XX* (München: Jon Dumitru Verlag, 1984), vol. 2, pp. 282–283.

⁹⁵ Crainic, *Zile albe, zile negre*, pp. 179–185.

⁹⁶ Подробнее о Крайнике см.: Zigu Ornea, *Tradiționalism și modernitatea în deceniul al treilea* (București: Eminescu, 1980), pp. 133–135, 284; Ornea, *Anii treizeci*, pp. 100129, 241–264.

⁹⁷ Ornea, *Anii treizeci. Extrema dreaptă românească*, p. 250. В 1940 г. Крайник еще раз перешел на сторону короля и стал

Политические воззрения Крайника в основном сформировались еще до его возвращения из Вены, но в 1930-е гг. произошла их радикализация под влиянием прихода к власти нацистов в Германии и их видимых успехов внутри этой страны и на международной арене. Крайник изложил свои политические идеи в опубликованной в 1936 г. книге под названием «*Ortodoxie și etnogație*» («Православие и этнократия»), в которую он также включал написанную в 1935 г. для Национал-христианской партии программу.

Кредо Крайника можно свести к двум основным компонентам. Во-первых, истолкование румынского национализма как основанного исключительно на ценностях православия. При этом православие Крайник толковал в узком, ханжеском и авторитарном духе. Это было новое слово в румынском национализме, поскольку до этого благодаря влиянию французской политической мысли он был в основном светским и рационалистическим. Во-вторых, Крайник четко противопоставил национализм демократии, которая, как он утверждал, не смогла гарантировать доминирование этнических румын в их «собственном» государстве и позволила меньшинствам, особенно евреям, играть слишком большую роль. Румынское государство должно было быть преобразовано из демократического в этнократическое, т. е. такое, которое защищало бы интересы исключительно этнических румын, непримиримо противопоставляя их интересам национальных меньшинств.

Следующие черты должны были, по мысли Крайника, отличать истинно националистическое, или этнократическое государство: (1) публичные должности в нем имели право занимать только коренные румыны; (2) всем государственным служащим должно было быть запрещено вступать в брак с нерумынами; (3) православие должно было стать официальной доктриной государства, и духовенство должно было получать жалование от государства; (4) общество должно было быть реорганизовано на корпоративистской основе, и в каждой корпорации квота меньшинств должна была поддерживаться на уровне удельного веса меньшинства в общей численности населения; (5) представители меньшинств, которые считались несущими угрозу национальным интересам, должны были быть лишены румынского гражданства; (6) с целью обеспечения господства над меньшинствами государство должно было проводить меры, направленные на увеличение численности и доли в составе населения этнических румын, которым предстояло отстаивать свои права, опираясь на «силу организованного количества и его качество»⁹⁸. Для достижения данной цели должен был быть также произведен обмен населением с соседними государствами, т. е. члены различных меньшинств должны были быть высланы «в свои государства», откуда взамен им должны были прибыть высланные оттуда этнические румыны. Этнические румыны должны были быть также репатриированы из Америки (Крайник не предложил никакого объяснения того, каким образом можно было бы осуществить это последнее мероприятие). Должна была быть проведена массированная колонизация этническими румынами земель вдоль государственных границ, а также экспроприированных у евреев земель на всей территории страны. И наконец, государство будет поощрять повышение рождаемости среди этнических румын⁹⁹.

министром национальной пропаганды в последнем правительстве Кароля, в июле 1940 г. При совместном правлении легионеров и Иона Антонеску с сентября 1940 по январь 1941 г. он исполнял должность генерального секретаря в министерстве культуры, а при режиме Иона Антонеску был министром пропаганды с января по апрель 1941 г., когда из-за участия его дочери в легионерской демонстрации был отправлен в отставку. См. Crăinic, *Zile albe, zile negre*, p. 350. В июне 1945 г., при коммунистическом режиме, Крайник был заочно осужден на пожизненное заключение, когда скрывался в одном из карпатских монастырей. В мае 1947 г. он сдался коммунистическим властям и провел в заключении пятнадцать лет – до апреля 1962 г., когда был освобожден с обязательством не заниматься «недозволенной» деятельностью. Крайник скончался в августе 1972 г. Статьи о Крайнике см. в Enciclopedia cugetare și Mircea Păcurariu, *Dicționarul teologilor români* (București: Editura Enciclopedică, 2002), доступно в <http://biserica.org/WhosWho/DTR/CINichiforCrainic.html> (дата обращения: 13.07.2008).

⁹⁸ Nichifor Crăinic, *Ortodoxie și etnogație, cu o anexă. Programul statului etnocratic* (București: Albatros, 1997; Cugetare, 1936), pp. 245–256.

⁹⁹ Ibid., pp. 250–251.

В 1935 г., когда Крайник составил эту программу, подобные идеи витали в воздухе. Этот год был отмечен активизацией националистической и антисемитской агитации. Идея сокращения доли меньшинств в различных профессиях и сферах экономической деятельности, с помощью ли законодательства или ограничительных квот, введенных ассоциациями лиц свободных профессий и предпринимателей, горячо дискутировалась в парламенте и обществе в целом¹⁰⁰. Импульс дискуссии непреднамеренно дало правительство Георге Тэтэреску, национал-либерального «угодника» Кароля. В апреле 1934 г. правительство внесло в палату депутатов законопроект, озаглавленный «Об использовании румынского персонала на предприятиях». Законопроект вводил льготы для румын, под которыми правительство понимало граждан Румынии вне зависимости от их этнической принадлежности, за счет иностранцев: румынские граждане должны были составлять не менее 80 % от всего персонала любого предприятия¹⁰¹. Сторонники правых сил, однако, потребовали, чтобы термин «румын» подразумевал не всех граждан страны, а только этнических румын. Такая интерпретация вступала в явное противоречие с конституцией 1923 г., но националисты этот факт игнорировали. Правительство, которое не обладало ни твердостью убеждений, ни мужеством в отстаивании конституционных принципов, сделало шаг навстречу националистам и в январе 1935 г. издало декрет, который обязывал каждое предприятие доложить правительству о составе своего персонала по трем категориям: румынские граждане румынского происхождения, румынские граждане нерумынского происхождения и иностранцы. Вследствие данного прецедента в румынских законах и регламентах появилось положение о регистрации этнического происхождения бенефициариев государственных программ и государственных служащих, а также требование предоставлять справку об этническом происхождении от потенциальных бенефициариев и кандидатов на государственные должности. Хотя такие положения формально не узаконивали дискриминацию национальных меньшинств, но неявно подталкивали к ней¹⁰².

В 1934–1935 гг. атаку против этнических меньшинств и духа конституции возглавил бывший румынский премьер-министр в 1919–1920 и в 1932–1933 гг. и до недавнего времени близкий соратник Маниу, Александру Вайда-Воевод, известный также как Вайда. Он разошелся с Маниу в вопросе о том, стоит НЦП пойти на сотрудничество с Каролем или же встать в непримиримую оппозицию к монарху и его окружению: Вайда выбрал первое, Маниу – второе. Выбор темы, на которой Вайда собирался обосновать свою кампанию, был продиктован политическим оппортунизмом: он считал, что она привлечет к нему избирателей, и это позволит ему создать самостоятельную массовую политическую партию¹⁰³. Вайда назвал принцип пропорционального представительства меньшинств *numerus valachicus*; он утверждал, что его реализация привела бы к созданию «справедливого равновесия» между этническими румынами и

¹⁰⁰ См., например, мемуары правого румынского политика и карлиста Константина Арджетоюну, который не был ни националистом, ни антисемитом. Argetoianu, *Însemnări zilnice*, vol. 1, p. 181.

¹⁰¹ Текст закона см.: Scurtu, ed. *Ideologie și formațiuni de dreapta*, vol. 4, pp. 58–60. Даже в такой форме по этому закону дискриминации подвергались приблизительно 80 тыс. румынских евреев, которые по различным причинам не могли воспользоваться положениями договора 1919 г. в отношении национальных меньшинств, обязавшего Румынию предоставить гражданство всем жителям Старого королевства и новых провинций. См. Carol Iancu, *Les Juifs en Roumanie (1919–1938): De l'émancipation à la marginalization* (Paris: Peteers, 1996), pp. 91–117. Проблема натурализации евреев в Румынии имела долгую и трудную историю. Конституция 1866 г. предусматривала, что правом натурализации могут пользоваться только постоянные жители страны христианского вероисповедания. Берлинский конгресс 1878 г. сделал одним из предварительных условий признания независимости Румынии от Османской империи отмену этого ограничительного положения. Однако румынский парламент отказался выполнить свое обязательство, и большая часть евреев осталась иностранцами или лицами без гражданства в своей стране. Лишь некоторые евреи получали гражданство в индивидуальном порядке, по специальному решению парламента. См. Iancu, *Jews in Romania 1866–1919: From Exclusion to Emancipation*, trad. de Carvel de Bussy (Boulder, CO: East European Monographs, 1996), pp. 37–67, 90–109.

¹⁰² См.: Iancu, *Les Juifs en Roumanie (1919–1938)*, pp. 280–287, 299–303.

¹⁰³ См. пересказ Константина Арджетоюну беседы Вайды с журналистом левоцентристских взглядов Теодореску-Браниште (Teodorescu-Braniște), состоявшейся в мае 1937 г. Ее содержание было пересказано мемуаристу другим журналистом, который при этой беседе присутствовал, см.: Argetoianu, *Însemnări zilnice*, vol. 2, pp. 231–232.

меньшинствами. Хотя современники высказывали сомнение, был ли Вайда в действительности убежденным крайним националистом, или только прикидывался им, в своем новом амплуа он бессовестно эксплуатировал недовольство румынских средних классов преобладанием меньшинств в прибыльных сферах экономики и престижных профессиях¹⁰⁴.

В 1935 г. инициатива Вайды получила значительную поддержку среди различных сторонников правых, как независимых, так и маргинализированных в собственных партиях. Втайне этот проект поддержал и король, который надеялся, используя Вайдю, подорвать позиции Маниу в Трансильвании (эти расчеты не оправдались)¹⁰⁵. Среди самых значимых участников этой кампании был Михаил Манойлеску, возможно, единственный на тот момент румынский экономист, получивший международную известность. Он родился в Молдове в 1891 г., в дворянской семье, о которой говорили, что она была богата не деньгами, а связями с влиятельными лицами. Манойлеску получил образование дорожного инженера. Он прошел Первую мировую войну в рядах румынских войск. Начиная с 1920 г. он работал в различных экономических министерствах, входивших в состав правительств Национал-либеральной партии. В тот период он позиционировал себя как сторонник экономического и политического либерализма, но уже тогда выделялся своим неукротимым энтузиазмом по поводу способности государства перестроить общество на «принципах научной организации», что не вполне соответствовало программе его партии¹⁰⁶. В мае 1926 и январе 1927 г., когда в качестве субсекретаря Министерства финансов Манойлеску был в командировках в Италии, он встречался с Муссолини и был им восхищен¹⁰⁷.

В 1928 г., будучи в составе правительственной делегации в Париже, Манойлеску встретился с Каролем и стал «карлистом»¹⁰⁸. После реставрации в июне 1930 г., в которой он сыграл важную роль, Манойлеску подготовил меморандум для нового короля, рекомендовавший целую программу действий, «предназначенных, – как он напишет в своих мемуарах, – положить конец демократическим фикциям, повсеместно возродить румынизм и его элиту» (выделено в оригинале. – В. С.). Король внимательно изучил и, видимо, остался доволен документом, но не решился немедленно разогнать парламент¹⁰⁹. В 1930–1931 гг. Манойлеску был влиятельной фигурой в окружении Кароля и занимал министерские посты: в 1930 г. он был министром путей сообщения и общественных работ, а в 1930–1931 гг. – министром торговли и промышленности, также занимал пост управляющего Центральным банком. Но в октябре 1931 г. он разорвал отношения с Каролем вследствие спора о том, должно ли государство спасти обанкротившийся банк «Marmorosch Blank», владелец которого Аристиде Бланк был влиятельным членом узкого круга приближенных короля, так называемой камарильи. Кароль, имевший в банке финансовые интересы, поддержал идею спасения банка за счет государственного бюджета, тогда как Манойлеску, на тот момент управляющий Национальным банком, высказался против¹¹⁰.

Потеряв влияние в камарилье и оказавшись в изоляции, Манойлеску стал сближаться с правыми и с лагерем критиков короля, что в конечном счете привело его в Железную гвардию, которую он финансировал через компанию, совладельцем которой был вместе со своими бра-

¹⁰⁴ См. сборник речей и произведений Вайды-Воевод, *Cuvântare către Națiunea Română* (Cluj: Ofensiva Română, f. d.).

¹⁰⁵ См. Valeriu Pop, *Amintiri politice* (București: Editura Vestala, 1999), pp. 86 и далее.

¹⁰⁶ Цит. по: Roberts, *Romania: Political Problems of an Agrarian State*, p. 194. Это цитата из брошюры Манойлеску 1922 г., направленной против Национал-царанистской партии и ее доктрины «царанизма».

¹⁰⁷ Биографические данные Манойлеску см. в: *Memorii*, vol. 1, pp. 19–80. Про его аудиенцию у Муссолини см.: *Ibid.*, pp. 63–65. Подробнее о Манойлеску и его экономических идеях, см.: Philippe C. Schmitter, „Reflections on Manoilescu and the Political Consequences of Delayed Development on the Periphery of Western Europe”, *Social Change in Romania: A Debate on Development in a European Nation*, ed. Kenneth Jowitt (Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1978), pp. 117–139.

¹⁰⁸ Об отношениях Манойлеску и Кароля см.: *Manoilescu, Memorii*, vol. 1, pp. 104 и далее.

¹⁰⁹ *Manoilescu, Memorii*, vol. 2, p. 223.

¹¹⁰ *Ibid.*, pp. 268–303.

тьями. Манойлеску был избран сенатором по спискам партии Кодряну в декабре 1937 г.¹¹¹ Две книги, опубликованные на французском, принесли ему европейскую известность. В 1934 г. он опубликовал *Век корпоративизма*, а в 1937 г. – *Единая партия: политическое учреждение новых режимов*¹¹². Эти книги сразу же были переведены на румынский и другие европейские языки и за очень короткий срок выдержали несколько изданий. Манойлеску стал своего рода звездой в европейских фашистских и национал-социалистских кругах. В Берлине, Риме и Лиссабоне его принимали с распростертыми объятиями, и он встречался с властителями этих трех режимов¹¹³.

Главным аргументом Манойлеску был тезис, который он повторял снова и снова: рыночная экономика и демократия не смогли обеспечить развитие аграрных стран, поскольку они были выгодны лишь промышленно развитым нациям. Но с началом мировой депрессии стало очевидным, что капитализм свободного рынка изжил себя и в промышленно развитых странах.

Следовательно, демократия и рыночная экономика должны быть упразднены и введено новое корпоративное тоталитарное государство. В Румынии такой переворот должен привести к созданию истинного румынского государства, поскольку государство, созданное здесь в середине XIX в. элитой, получившей французское образование, было «заимствованным», не соответствовавшим национальным нуждам страны. Только подобная революция могла «реабилитировать государство и воссоединить его с народной душой» (выделено в оригинале. – В. С.) и таким образом превратить наконец румын в «политический народ»¹¹⁴.

Одной из главных задач нового, истинно румынского, тоталитарного и корпоративного государства должна была стать румынизация экономики, необходимость которой Манойлеску доказывал следующим нехитрым силлогизмом. Он начинал с постулата, что любая нация, чтобы существовать, должна обладать своим идеалом. Идеалом этим может быть только национализм, т. е. «мощное утверждение своей коллективной личности». Но национальные меньшинства несут угрозу разрушения этой личности самим фактом своего существования. Когда меньшинства доминируют в различных отраслях национальной экономики, теряется национальный характер всей страны:

Итак, если страна, как целостность, хочет защитить свой национальный характер, необходимо, чтобы каждый организм национального коллектива обладал четким национальным характером (выделено в оригинале. – В. С.)¹¹⁵.

Решить эту задачу, как настаивал автор, могли бы только корпорации, т. е. объединения работодателей и работников по отраслям экономики, поскольку только они находились в положении, позволяющем обеспечить внедрение румынизации и изгнание нерумын из экономики¹¹⁶.

Манойлеску выступил 3 декабря 1935 г. в Сенате с программной речью по этой теме, которая была, как он впоследствии утверждал в своих воспоминаниях, тепло встречена сто-

¹¹¹ Ornea, *Anii treizeci*, pp. 265–279; Bordeiu, *Mișcarea Legionară în Dobrogea*, p. 75. Услуга, оказанная Манойлеску Железной гвардии, состояла в оказании финансовой поддержки газете *Buna Vestire*, которая была фактически печатным органом Железной гвардии. См.: Hogia Sima, *Era libertății. Statul național-legionar* (Madrid: Mișcării legionare, 1982), pp. 21–22. Манойлеску всё же проявлял осторожность и никогда окончательно не порывал с Каролем. См., например, его статью от 26 марта 1937 г., в которой он выступал как за Румынию под управлением Железной гвардии, так и за Румынию Кароля II (Scurtu, ed. *Ideologie și formațiunile de dreapta*, p. 322).

¹¹² Первая книга была издана в F. Alcan и вторая в Les reuvres françaises.

¹¹³ Manoilescu, *Memorii*, vol. 2, pp. 313 и далее.

¹¹⁴ Ibid., p. 378.

¹¹⁵ Mihail Manoilescu, *Le siècle du corporatisme: Doctrine du corporatisme intégral et pur* (Paris: Librairie Félix Alcan, 1934), pp. 39, 178–180.

¹¹⁶ См.: Z. Ornea, *Anii treizeci*, p. 274.

ронниками Вайды-Воевода¹¹⁷. В том же году Манойлеску был избран президентом Генеральной ассоциации инженеров Румынии и, получив санкцию Ассоциации, незамедлительно инициировал проведение политики румынизации в данной профессии. Это было первое решение такого рода, за которым в скором времени последовали и другие профессиональные организации, среди которых отличилась коллегия адвокатов, наметившая своей целью полное исключение нерумын¹¹⁸.

Как уже отмечалось выше, в стане румынских правых существовали разногласия относительно того, какие группы должны считаться смертельными врагами румын: только евреи или же все этнические меньшинства. А. К. Куза, одержимый антисемитизмом и мечтавший о всеобщем союзе христиан против евреев, ратовал за первый выбор, в то время как многие другие представители правых, включая Вайду-Воевода, Манойлеску и Крайника, хотя и были антисемитами, выступали за второй вариант, и разработанные ими программы воплощали такой взгляд. Еще один влиятельный правый политик Валер (или Валериу) Поп рассказывал в своих послевоенных мемуарах, как он схлестнулся по данному вопросу с Александру Кузой.

Поп родился в Трансильвании, в семье греко-католического священника. В юности, как и Маниу, он мечтал о политической карьере, но, в отличие от своего великого современника и соперника, не примкнул к Национальной партии и был, похоже, габсбургским лоялистом. В Первую мировую войну он воевал в рядах австро-венгерской армии и сдался в плен итальянцам только в начале 1918 г. Затем он примкнул к отрядам румынских добровольцев и вместе с ними вернулся в Трансильванию, к тому времени уже румынскую провинцию. В начале 1920-х гг., работая юристом в Клуже, Поп пытался организовать различные националистические группы в политическую силу, способную бросить вызов НЦП в Трансильвании. Его эфемерная партия позиционировала себя справа от НЦП, но эти попытки закончились неудачей. В 1923 г., после долгих переговоров по программным и организационным аспектам с партией Кузы, Поп вместе с небольшой группой своих сторонников из Трансильвании примкнул к партии последнего и был избран по ее спискам в мае 1926 г. в палату депутатов. Вскоре после этого, вероятно, в начале 1927 г., он выступил в палате с речью по проблеме румынизации городов, в которой утверждал, что в этом направлении не было достигнуто никакого прогресса, и требовал принять срочные меры. Немедленно после него взял слово Куза и заверил депутатов-венгров, что им нечего опасаться его партии, единственным врагом которой были «жиды». По словам Попа, после заседания многие депутаты и политики, включая видных национал-либералов, приватным образом заверяли его в своей с ним солидарности. Вскоре после этого, в мае 1927 г., Лига Кузы распалась, и Поп был среди тех, кто покинул ее ряды¹¹⁹.

Несмотря на первую неудачу в политике, Поп вскоре вновь появился на национальной сцене, на этот раз в качестве руководителя организации греко-католиков Трансильвании, чьи интересы оказались под угрозой из-за попыток православного духовенства, поддерживаемого многими политиками Старого королевства, укрепить свои позиции в провинции за счет грекокатолической церкви. В 1931 г. Поп был вновь избран в парламент по спискам весьма неоднородного блока, который создал Николае Йорга, занимавший тогда пост премьер-министра. Вернувшись в парламент, Поп установил близкие отношения с королем, который стал продвигать его на различные государственные должности, самой важной из которых была должность министра юстиции. Поп играл важную роль в интригах Кароля в Трансильвании, которые были направлены на подрыв влияния Маниу и НЦП в провинции. Он был одним из тех, кто в 1935 г.

¹¹⁷ Manoilescu, *Memorii*, vol. 2, p. 375.

¹¹⁸ *Ibid.*, pp. 372–373. О положении в коллегии адвокатов см.: Iancu, *Les Juifs en Roumanie (1919–1938)*, pp. 290–295.

¹¹⁹ Pop, *Amintiri politice*, pp. 166–191. О разрыве с ЛАНС см. также: Codreanu, *Pentru legionari*, pp. 280–291.

поддержал вайдовскую идею *numerus valachicus*, выступив в парламенте с пламенной речью, в которой он вновь подверг критике якобы провалившуюся румынизацию городов¹²⁰.

Рассмотренные выше деятели румынской правой, в отличие от членов Железной гвардии или даже кузистов, которые были маргиналами в румынской политической и культурной жизни, принадлежали к уважаемому румынскому мейнстриму. Некоторые из них имели значительный опыт работы во власти, другие обладали репутацией состоявшихся писателей, поэтов и ученых. Многие в тот или иной момент входили в окружение короля Кароля II. Среди них лишь Крайник был крайним националистом и правым экстремистом всю свою публичную жизнь, в то время как другие усвоили жесткий националистический дискурс скорее по расчету, чем по убеждению. Их объединяло убеждение, что восхождение фашизма и национал-социализма было несомненным знаком, что агрессивный национализм владел ключами от будущего, и они с энтузиазмом поставили на него. Они готовы были выбросить за борт якобы устаревшую и неэффективную демократию и сделали выбор в пользу авторитаризма как более подходящей для решения насущных проблем формы правления, к тому же адекватно отражавшей дух времени. Они были убеждены, что Румыния должна наладить более тесные отношения с фашистской Италией и нацистской Германией и не слишком рассчитывать на западные демократии. Независимо от того, были ли они идеологическими фанатиками или циничными оппортунистами, эти писатели, публицисты и политики сделали идеи исключения национальных меньшинств из национальной экономики и их удаления из Румынии политически приемлемыми и даже уважаемыми. Несмотря на разницу во взглядах и интенсивное личное соперничество, которые помешали им создать сплоченную политическую группировку, все они были согласны с программой Крайника, предусматривавшей создание этнократического государства.

¹²⁰ Ibid., pp. 190 и далее.

Глава 2

Колонизация и переселение: первые румынские опыты

Программа Никифора Крайника отражала не только общие взгляды румынских правых, но и накопленный румынским государством опыт в том, что касалось колонизации и переселения. В конце 1930-х гг., как будет показано в данной главе, среди сторонников правых в Румынии стало модным считать этот опыт неопровержимым доказательством того, что применение тех же методов в более широком масштабе способно было в скором времени превратить Румынию в этнически однородную нацию.

Колонизацию как средство изменения демографического характера определенного региона румыны применили после войны за независимость 1877–1878 гг., когда Берлинский конгресс закрепил за Румынией северную часть Добруджи, до этого принадлежавшей Османской империи, взамен юга Бессарабии, уступленного Румынией России¹²¹. Добруджа для Румынии имела большое стратегическое значение, поскольку обеспечивала более широкий выход к Черному морю, но население в ней было смешанным, причем мусульмане, по большей части турки и татары, в 1879 г. даже составляли относительное большинство – 30 % населения (румыны – 29,2 % и болгары – 26,9 %)¹²².

Румынская элита считала изменение этнического состава населения вновь приобретенной провинции необходимым условием закрепления своего контроля над ней. Согласно законам 1880 и 1882 гг., а также последующим поправкам к ним, румынское государство стало значительным обладателем земельной собственности в регионе, включавшей как бывшую собственность Османского государства, так и владения, оставленные эмигрантами, в основном османскими чиновниками. Румыны воспользовались тем, что большая часть земельных участков ранее была взята гражданами провинции в аренду у Османского государства за ежегодную плату (тип земельной собственности, известной в османском праве как *мирие*). По вновь принятому закону резиденты, желавшие стать полноправными хозяевами участков, должны были выкупить их по рыночной цене; им также было предоставлено право отказаться в пользу государства от трети своей земли взамен закрепления за ними частной собственности на остальную площадь. Государство, таким образом, постепенно стало обладателем 88 тыс. гектаров земельных угодий, которое оно собиралось распределить между этническими румынами¹²³. Правительство продавало эту собственность участками двух типов: от 3 до 10 гектаров и от 10 до 100 гектаров. Участки первого типа продавались по цене, определенной соглашением с будущим покупателем, и с рассрочкой на 30 лет; участки второго типа продавались на аукционах. Правом на приобретение земельных участков обоих типов пользовались лишь румынские граждане румынского этнического происхождения, в соответствии со статьей 3 конституции 1866 г., гласившей: «Территория Румынии не может колонизироваться чужеродным населением»¹²⁴.

¹²¹ О дипломатической истории аннексии Добруджи см.: Catherine Durandin, „La Russie, la Roumanie et les nouvelles frontières dans les Balkans: le cas de Dobrogea”, *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 20, nr. 1 (janvier-mars 1979), pp. 61–65.

¹²² См.: Constantin Iordachi, „Citizenship, Nation- and State-Building: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913”, *The Carl Beck Papers in Russian & East European Studies* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2002), p. 8. Демографические данные по Северной Добрудже на момент ее аннексии всегда были очень спорными. Современные болгарские историки утверждают, что этнические болгары составляли приблизительно половину от общей численности населения, оцениваемой в 100 тыс. человек, в котором румыны составляли меньшинство. См.: Жеко Попов, *Българите в Северна Добруджа 1878–1913* (София: Иван Вазов, 1991), с. 81 и след.

¹²³ Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building*, pp. 28–31.

¹²⁴ Ioan Iavorschi, *Colonizarea în România: Teză pentru doctorat în științele economice prezentată și susținută în octombrie 1937* (Iași: Institutul de arte grafice „Brawo”, 1937), pp. 44–45; Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building*, pp. 27–38. Как разъясняет Яворски, изначально под «чужеродным населением» понимались кандидаты на колонизацию из-за границы, которые не

Посредством серии законов 1888, 1903 и 1916 гг. с последующими поправками государство предоставило льготы при наделении земельными участками младшим офицерам запаса с большой выслугой лет в армии и ветеранам войны 1877–1878 гг., «не имевшим земли для пропитания». Дополнительные привилегии включали наделение более крупными участками (до 20 га) вдоль границы с Болгарией, отмену поземельных налогов и разнообразных сборов, а также прямые правительственные субсидии. Колонисты в свою очередь лишались права отчуждать эти участки и были обязаны проживать «в центрах колонизации». Жители подобных центров официально назывались «колонистами»¹²⁵.

Несмотря на значительные ресурсы, выделенные правительством под эту программу, многие современники считали, что она провалилась. Колонисты часто сетовали, что климат Добруджи слишком отличался от того, к которому они привыкли, государство не исполняло свои обещания насчет льгот, а обязательство жить в центрах колонизации было слишком обременительным. Во многих случаях колонисты продавали, вопреки запретам, свои земли либо просто-напросто покидали их. Вследствие этого в 1916 г. в Добрудже проживало лишь 4500 колонистов-ветеранов, на поддержку которых правительство затратило 2,5 млн леев, в то время как еще 3017 бывших колонистов были лишены своих земель государством в 1903 г., когда оно конфисковало у них 38 тыс. га заброшенной земли¹²⁶. Как выразился Николае Йорга в 1930 г., «пример старой [т. е. северной] Добруджи показывает, как выглядит дурно проведенная колонизация»¹²⁷.

Если колонизация региона ветеранами оказалась неэффективной, то усилия по его развитию, включая строительство моста через Дунай у Чернаводэ (сдан в эксплуатацию в 1895 г.), порта в г. Констанца и железной дороги, связывающей его с остальной Румынией, как и выделение пахотных земель этническим румынам из других частей страны, привели к экспоненциальному росту населения провинции и изменению его этнического состава¹²⁸. Население возросло до 261 490 человек в 1900 г. и 368 189 в 1912 г. Демографическая ситуация также драматически изменилась: в 1912 г. румыны составляли 56,9 % от общего числа населения, болгары 13,4 %, а турки и татары – 10,8 %¹²⁹. В 1930 г. население северной части Добруджи насчитывало уже 437 131 человека, из которых румыны составляли почти 65 %. Характерно, что их доля в городах (67,3 %) была чуть выше, чем в сельской местности (64,3 %). Это указывает на то, что экономическое развитие само по себе было для этих демографических изменений важнее, чем программы распределения земельной собственности¹³⁰.

После Второй Балканской войны (1913 г.), в которой Сербия, Греция и Румыния воевали против Болгарии, Румыния аннексировала южную часть Добруджи, отторгнутую от Болгарии по Бухарестскому мирному договору. По своей форме на карте южная Добруджа получила

были этническими румынами. После присоединения Добруджи запрет был распространен на граждан страны – неэтнических румын. В конституции 1923 г. ст. 3 сохранилась в редакции конституции 1866 г.; ее исходный смысл был иным, чем тот, который ему придавали позднейшие интерпретации. См.: Iavorschi, *Colonizarea în România*, pp. 18–20.

¹²⁵ Ibid., p. 46.

¹²⁶ Iavorschi, *Colonizarea în România*, pp. 147–151; см. также: Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building*, p. 32.

¹²⁷ Цит. по: Iavorschi, *Colonizarea în România*, p. 52.

¹²⁸ Об усилиях правительства по развитию Добруджи см.: Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building*, pp. 43–46; Durandin, „La Russie, la Roumanie et les nouvel – les frontières dans les Balkans”, pp. 66–67.

¹²⁹ Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building*, p. 36. Болгарские источники, как легко было предвидеть, продолжали подвергать сомнению истинность этих данных и настаивали на том, что этнические болгары составляли большинство населения провинции даже в 1912 г., но в данном случае их аргументы кажутся преувеличенными. См.: Попов, *Българите...*, с. 85–105.

¹³⁰ Расчеты произведены по книге Мануилэ: *Studiu etnografic*, pp. 34–47. Иордаки излагает историю об интегрировании провинции в румынское государство и нацию, включая ее колонизацию и национализацию ее населения. Мое мнение отличается от его точки зрения лишь акцентами: в то время, как Иордаке приписывает успехи румын в данной области целенаправленным действиям государства (см. особенно Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building*, pp. 2, 36), я считаю, что решающее значение имело спонтанное движение населения и новые экономические возможности.

также название Кадрилатер, или Четырехугольник. Площадь Кадрилатера составляла 7695 кв. км, а население насчитывало 281931 человека, из которых румын было всего лишь 2,3 %, а болгар, согласно болгарским данным, 47,6 %, по румынским же 43 % (оба источника указывают один и тот же процент румын). Многие болгары были колонистами, которых поселило там болгарское правительство¹³¹. Таким образом, у румын был повод утверждать, что сложившаяся там демографическая ситуация незаконна и подлежит изменению мерами законодательного и административного характера. 1 апреля 1914 г. был принят закон об организации Новой Добруджи, который предусматривал конфискацию части наделов, выделенных болгарским колонистам болгарским правительством, в период от образования независимого болгарского государства в 1878 г. и до 1913 г., когда область была аннексирована Румынией. Так как большая часть наделов, которыми владели эти болгарские колонисты, не принадлежала им на правах частной собственности, а была арендована у болгарского государства, закон 1914 г. предоставлял им право выкупить эти наделы у румынского государства по рыночной цене (румынское государство как правопреемник болгарского стало после аннексии собственником всех государственных угодий) или же уступить треть надела государству, получив остальное в частную собственность. Поскольку выкуп своих участков по рыночной цене могли себе позволить лишь немногие арендаторы, это положение закона открывало широкие перспективы для перераспределения земельной собственности в провинции. Важной особенностью новой провинции было то, что правом получения земельных участков в ней могли пользоваться не только этнические румыны, которые были гражданами Румынии, но и граждане других государств румынской национальности, которые желали переселиться в Румынию. В новой провинции этнические румыны могли стать колонистами, даже не будучи румынскими гражданами¹³².

Но эти планы были сорваны вспыхнувшей Великой войной. Уже осенью 1916 г. Добруджа – как южная, так и северная – была оккупирована Болгарией; по Бухарестскому миру мая 1918 г. Румыния потеряла всю Добруджу, но вернула ее в ноябре 1918 г. после поражения Центральных держав. Права Румынии на всю Добруджу были закреплены Неййским договором Союзных держав с Болгарией, подписанным в ноябре 1919 г.

После войны в повестке дня румынского правительства стоял целый ряд неотложных вопросов, требующих напряжения всех его административных и финансовых ресурсов. Самой важной – с точки зрения долговременных социально-экономических и политических последствий – была аграрная реформа. Принятая законодательно летом 1917 г. как средство предотвращения социальной революции по российскому образцу, она стала осуществляться в декабре 1918 и продолжалась до конца 1920-х гг. Реформа осуществлялась путем экспроприации (за выкуп) крупных землевладений, принадлежавших по большей части румынским помещикам – боярам (официальный титул румынских дворян) и распределения экспроприированных таким образом земель – на довольно уравнительной основе – румынскому крестьянству. Крестьяне должны были заплатить за землю небольшие суммы денег, которые они могли взять в кредит на льготных основаниях у государства¹³³.

Реформа носила прежде всего социальный характер, однако одновременно имела целью создание привилегированных условий для землепашцев румынского этнического происхождения. Во-первых, при проведении так называемой «внутренней колонизации», т. е. расселении крестьян из малоземельных коммун в менее населенные регионы страны, представители национальных меньшинств подвергались систематической дискриминации. Ссылаясь на статью 3 конституции («Территория Румынии не может колонизироваться чужеродным населением»),

¹³¹ Jean Nouzille, „La frontiere bulgare-roumaine en Dobroudja”, *Revue Roumaine d'Histoire*, 35, nr. 1–2 (1996), pp. 36–37.

¹³² См.: Iavorschi, *Colonizarea în România*, pp. 45, 130–131; Constantin Noe, „Colonizarea Cadrilaterului”, *Sociologie românească*, 3, nr. 4–6 (1938), pp. 120–121.

¹³³ Roberts, *Romania: Political Problems of an Agrarian State*, pp. 22–39; Katherine Verdery, *Transylvanian Villagers: Three Centuries of Political, Economic, and Ethnic Change* (Berkeley: University of California Press, 1983), pp. 278–280.

закон исключил румынских граждан иного этнического происхождения из этих программ. Следует, однако, иметь в виду, что масштаб этих операций был незначительным: до 1930 г. лишь 33093 колониста получили 256095 га земли – ничтожное количество по сравнению с почти 1479 млн крестьянских хозяйств, которые получили землю во время реформы¹³⁴. Во-вторых, румынское государство попыталось конфисковать земли у недавних колонистов нерумынского происхождения, поселенных во вновь присоединенных провинциях предшествующими государствами. Но эти попытки противоречили положениям договора о национальных меньшинствах, и когда в 1925 г. венгерские колонисты Трансильвании выиграли в Лиге наций дело против румынского государства, Румынии пришлось выплатить компенсации в сумме 709 тыс. леев. Вследствие этого от подобной практики пришлось отказаться¹³⁵. После этого колонизация использовалась sporadически как средство укрепления новых границ путем расселения вдоль них землепашцев румынского этнического происхождения, как это было, например, вдоль границ с Болгарией, Венгрией и Советским Союзом. Например, неизвестное, но, видимо, небольшое количество румынских беженцев из западной части Баната и Венгрии были расселены вдоль соответствующих границ¹³⁶.

В 1924 г. румынское правительство вновь обратило внимание на Кадрилатер, решив ускорить румынизацию провинции более жесткими мерами. Принятием поправки к закону 1914 г. болгарские колонисты были лишены права выкупать свои наделы. Бюрократическая процедура признания их прав собственности была усложнена, а срок подачи всех необходимых документов был сокращен до 90 дней. В случае, если болгарские колонисты не успевали представить требуемые документы или их документы аннулировались специально созданной комиссией, их земля подлежала конфискации. Более того, в рамках аграрной реформы правительство экспроприировало пахотные земли сверх «неприкосновенного минимума», установленного для всей Румынии, даже в том случае, если болгарские колонисты владели ими после уступки государству трети своего земельного участка, как предусматривал закон от 1 апреля 1914 г.¹³⁷

Как и следовало предвидеть, последовавшие масштабные конфискации вызвали враждебную реакцию болгарского населения региона. Болгарская пресса вела непрерывную кампанию по разоблачению румынской политики в Кадрилатере, а болгарское правительство обращалось с многочисленными жалобами в Лигу Наций. Банды комитаджей (*comitadji*), которые действовали с болгарской территории под командованием Военной Добруджской революционной организации (ВДРО) при поддержке местных болгар, нападали на представителей румынских властей в Кадрилатере и убивали их, а также терроризировали румынских колонистов¹³⁸.

Помимо непрекращающихся конфискаций земельной собственности у болгарских колонистов, земельные владения румынского государства в южной Добрудже возрастали вследствие интенсивной эмиграции турок и татар из этой провинции. Их эмиграция началась с момента

¹³⁴ Iavorschi, *Colonizarea în România*, p. 73; Victor Axenciuc, *Evoluția economică a României. Cercetări statistico-istorice. 1859–1947*, vol. 2, Agricultura (București: Editura Academiei, 1996), p. 107

¹³⁵ Iavorschi, *Colonizarea în România*, pp. 66, 153. В этом частном случае венгерские фермеры, расселенные на основании венгерского закона 1881 г., обнаружили, что часть их земли оказалась лишней по сравнению с установленным для экспроприированной области максимумом.

¹³⁶ Ibid., p. 68.

¹³⁷ Ibid., pp. 131–133; Noe, „Colonizarea Cadrilaterului”, pp. 121–123. Для ознакомления с современным болгарским анализом см.: „Становище на Комисията за проучване на спорни въпроси между България и Румуния относно аграрния режим и поданство на българите в Добруджа”, Петър Тодоров, Косо Пенчиков, Марин Цуцов, Стела Изворска, Антонина Кузманова, ред. *Извори за историята на Добруджа 1919–1941* (София: Издателство на Българската академия на науките, 1993), т. 2, с. 264–266.

¹³⁸ О ВДРО и ее сложных отношениях с болгарским и международным коммунистическим движением, которое пыталось подчинить ее своему контролю, но преуспело в этом лишь отчасти, см.: Ibid., особенно сс. 75–192. См. также румынские документы в: Dan Cătănuș, ed., *Cadrilaterul. Ideologie cominternistă și iredentism bulgar, 1919–1940* (București: Institutul Național pentru Studiul totalitarismului, 2001). О ВРОМ см.: Hugh Poulton, *Who Are the Macedonians?* (Bloomington: Indiana University Press, 1995), pp. 92–99.

создания Болгарского государства и усилилась после того, как вновь созданная Турецкая Республика стала активно стимулировать их «репатриацию», стремясь заселить ими территории Малой Азии, опустевшие после изгнания во время войны с Грецией 1919–1923 гг. христиан. Процесс ускорился после подписания 4 сентября 1936 г. конвенции между Турцией и Румынией о добровольной эмиграции мусульманского населения как из старой, так и из новой Добруджи¹³⁹. Пользуясь преимущественным правом покупателя при продаже земельной собственности, правительство приобрело от покидавших провинции мусульман громадные площади пахотной земли, которые намеревалось колонизировать этническими румынами. Только за последние 9 месяцев 1936 г. правительство купило у мусульманских эмигрантов 3617,5 га земли и рассчитывало в итоге стать обладателем 120 тыс. га, бывших ранее в собственности турок и татар¹⁴⁰. Согласно болгарским данным, румынское государство приобрело таким образом или экспроприировало не менее 48 % площадей, которыми ранее владело местное население¹⁴¹.

В межвоенный период демографическая ситуация в Новой Добрудже постоянно менялась в пользу этнических румын. Если в 1912 г. их было 6 тыс. (2,3 % всего населения), то в 1930 г. уже 69 тыс. (19 %), а в 1940 г. 86 тыс. (21 %), в то время как численность болгар и их удельный вес в местном населении изменились следующим образом: 1912 г. – 122 тыс. (43 %); 1930 г. – 137 тыс. (37 %); 1940 г. – 152 тыс. (37,2 %). Еще более драматически изменилось демографическое положение турок и татар: с 1912 г., когда они составляли 136 тыс. (48 %), до 137 тыс. (40,6 %) в 1928 и до 96 тыс. (26 %) в 1938 г.¹⁴² В массе переселенцев румынского происхождения были две группы колонистов с особым статусом. Рассмотрим эти группы более внимательно, поскольку именно на них чаще всего ссылались румынские националисты, когда говорили о колонизации Кадрилатера как примере для подражания.

Первой группой были военные колонисты. В июне 1922 г. полковник Георге Расовичяну, командир 9-го горнострелкового полка, воевавший в недолгой кампании 1916 г. в Добрудже, послал военному министру меморандум, в котором предложил превратить в колонистов своих демобилизованных солдат и поселить их вдоль границы с Болгарией, на юге Добруджи. В каждой колонии должно было проживать по 50 семей; колонисты должны были жить под руководством одного из бывших офицеров. Расовичяну подкрепил свой план милитаристской и националистической риторикой, выдавая его за прецедент для всей страны, границы которой должны быть укреплены подобными военно-аграрными поселениями¹⁴³.

Правительство одобрило это предложение и в том же году издало соответствующий указ, во исполнение которого были сформированы 13 колоний с 453 колонистами. Однако и этот эксперимент завершился провалом. Как установила комиссия военного министерства в 1928 г. (когда у власти было национал-царанистское правительство во главе с Юлиу Маниу), колонисты, чьи права собственности не были четко определены, жили в условиях «неокрепостничества» под контролем своих командиров, и большинство из них так и не закрепилось в военных колониях, разрываясь между селами, откуда они были родом, и военными колониями. На основании собранных комиссией сведений правительство распорядилось прекратить создание военных колоний, освободило колонистов от зависимости по отношению к руководителям колоний, а также лишило некоторых из них звания колониста и соответствующих привилегий.

¹³⁹ Об этой беседе см. Arcadie Gherasim, *Schimbul de populații între state* (București: Monitorul oficial și imprimăriile statului, 1943), pp. 69–72. Турки ожидали, что эмигрируют 170 тыс. мусульман, но выехали лишь 70 тыс. человек.

¹⁴⁰ Iavorschi, *Colonizarea în România*, p. 135.

¹⁴¹ См.: Todorov et al., eds., *Izvori za istoriata na Dobrugia*, p. 464.

¹⁴² См.: Sabin Manuilă, „The Population of Dobrogea”, „Dobrogea”, *Studii românești*, 4 (București: Academia Romană, 1940), pp. 187–188; Anton Golopenția, „Populația teritoriilor românești desprinse în 1940”, idem, *Opere complete*, vol. 2, *Statistică, demografie și geopolitică*, ed. Sanda Golopenția (București: Editura Enciclopedică, 2002), p. 550.

¹⁴³ См.: *Colonizarea și organizarea frontierelor României Mari* (București: Tipografia Ministerului de Război, 1925).

Подтверждение прав собственности получили лишь 55 % из первоначального числа колонистов¹⁴⁴.

С 1925 г. в провинции начался новый эксперимент. На этот раз толчок пришел из-за рубежа. Глубокие изменения, произошедшие на Балканах после Мировой и турецко-греческой войн, привели к резкому ухудшению положения арумын, которые известны также как куцовлахи, а в Греции еще и как влахи. Происхождение данной этнической группы спорно. Их язык весьма близок, но не идентичен румынскому языку. Нет сомнения в том, что они являются потомками древнего романизированного населения, однако неясно, жили ли они изначально на территории к северу от Дуная, и тем самым долгое время входили в то же сообщество, что и предки современных румын, а затем мигрировали в направлении к югу от Дуная, или же они были отдельной этнической группой на юге Балкан с момента ухода оттуда римлян. На протяжении веков арумыны вели полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, караванной торговлей, ростовщицеством и различными ремеслами. Лишь малая часть арумын занималась земледелием, в отличие от большинства других балканских народов. На Парижской мирной конференции представители арумын оценивали численность своего народа приблизительно в 500 тыс. человек; большинство из них проживало в то время в Греции¹⁴⁵.

Своих «братьев» к югу от Дуная румыны открыли в середине XIX в., и с тех пор различные группы националистов периодически разворачивали кампании в прессе по вопросу о преследованиях, которым якобы подвергаются данные группы населения. Румынские правительства предпочитали занимать более осторожную позицию и воздерживаться от политической эксплуатации этой потенциально взрывоопасной темы. Правительства ограничивались предоставлением финансовой помощи арумынским школам и церквям, преследуя, помимо гуманитарной, цель обозначить свое присутствие на Балканах. В самом арумынском сообществе, однако, прорумынские активисты были в меньшинстве, большинство же арумын поддерживало национальные стремления греков (феномен, известный под названием эллинофилии)¹⁴⁶

¹⁴⁴ Noe, „Colonizarea Cadrilaterului”, p. 123; Iavorschi, *Colonizarea în România*, pp. 122–123.

¹⁴⁵ Об арумынах см.: Tom Winnifrith, *The Vlachs: The History of the Balkan People* (New York: St. Martin's Press, 1987); Centre d'étude des civilisations de l'Europe centrale et du sud-est, *Les Aroumains*, cahier nr. 8 (Paris: INALCO, 1989).

¹⁴⁶ См.: Jelavich, P. Jelavich, *The Establishment of the Balkan National States*, p. 210; Georgi Barbolov, „Politika na Bukaresht v Makedoniia po Arumunskiiia vopros prez 1878-1913 godina”, *Istorieski Pregled* (Bulgaria), 49, nr. 1 (1993), pp. 148–163.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.